

София
Синицкая

СИЯНИЕ
«ЖЕМО-
ЖАХА»»

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

София Сеницкая

Сияние «жеможаха»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54097649

Сияние «жеможаха»:
ISBN 978-5-8370-0752-1

Аннотация

Отличительная черта прозы лауреата премии Гоголя Софии Сеницкой – густой сплав выверенного плотного письма, яркой фантазмагии и подлинного трагизма. Никогда не знаешь, чем обернется та или другая ее история – мрачной сказкой, будничной драмой или красочным фейерверком. Здесь все убедительно и все невероятно, здесь каждый человек – диковина.

В новую книгу вошли три повести – «Гриша Недоквасов», «Система полковника Смолова и майора Перова» и «Купчик и Акулька Дура, или Искупление грехов Алиеноры Аквитанской». Повести связаны между собой как пересечениями персонажей, так и общей органикой текста.

Содержание

Гриша Недоквасов	5
1	5
2	23
3	26
4	41
5	47
6	55
7	65
8	78
9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

София Сеницкая

Сияние «жеможаха»

«...я помню, в Преображенъев день (наш престольный праздник), по поводу тропаря: Показавый учеником Твоим славу Твою, яко же жожаху, – спорили о том, что такое «жеможаха»? сияние, что ли, особенное?»

М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина

© София Сеницкая, 2020

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2020

© А. Веселов, обложка, 2020

Гриша Недоквасов

Гротеск в 13 частях

Герои этой повести являются вымыслом автора.

Они не имеют ничего общего с реальными людьми – живыми или мёртвыми

Памяти Нины Гаген-Торн

*Тихо по морю бегут страха белые слоны.
Даниил Хармс*

1

Утром в парке Пётр Иванович Уксусов приставал к швее-бригадирше с неприличными предложениями – звал гулять по-княжески и кутить в казино: «Кто два раза в день не пьян, тот, простите, не улан!» Толстогрудая Катерина Ивановна визгливо смеялась над уланом, мальчишки кидали в него щепки и камешки, в толпе свистели. Швея ударила улана по уху. Пётр Иванович упал, горько заплакал, обозвал швею кикиморой и дурочкой с Фонарного переулочка, потом взбодрился, проехался на лошадке, подрался с усатым цыганом,

подрался с аптекарем, у которого череп был обтянут зелёной кожей, подрался с товарищем милиционером. От нетрезвой жизни голова у Петра Ивановича треснула. «Пропадай моя головушка с колпачком и с кисточкой!» – крикнул нарушитель общественного порядка. Вскочив на косматую собачку, исчез за ширмой.

– Нет, лучше, чтобы в ад героя увозил картонный автомобиль.

Вечером молодой артист ленинградского театра кукол Гриша Недоквасов пошёл к Миронычу чинить Петрушку. «Здравия желаю!» – протрещал сквозь пищик охраннику Копытову, тот весело подмигнул и открыл дверь в квартиру, наполненную запахом старых книг и капустного пирога. Мироныч работал за обеденным столом: что-то писал размашисто. Он всё в жизни делал размашисто – писал, говорил, ел, любил, ненавидел, руководил. Мироныч был похож на плотный и чрезвычайно привлекательный подосиновик с красной шляпкой. Такой подосиновик хочется срезать острым ножиком, положить в корзину и накрыть папоротником.

Гриша бочком прошёл на кухню. Там мощно и неторопливо готовила еду домработница Авдотья Никитична. Её пухлые ручки волшебным образом двигались, и всё вокруг шкворчало, бурлило, подходило, поднималось, румянилось. Гриша прекрасно знал Авдотью Никитичну: когда он был школьником, Авдотья Никитична приходила к Недоквасовым варить обед и наводить порядок в доме. Фиолетовая кофта с перламутро-

выми пуговицами и клёцки-лодочки, плавающие вокруг утёсов мозговых костей, стали неотъемлемой частью Гришиного в общем-то счастливого детства. Гриша рано остался без матери, он жил с отцом, известным хирургом Иваном Андреевичем Недоквасовым, на улице Красных Зорь. В 1926 году в их доме поселился Сергей Миронович Киров; Гриша тогда с грехом пополам окончил среднюю школу с неудобными чугунными партами, они там стояли ещё с дореволюционных времён, ребята больно бились о них коленями.

Гришу никогда не сажали за стол с Миронычем. Авдотья Никитична кормила Гришу на кухне, а он с увлечением рассказывал ей о кукольном театре и своих новаторских идеях: «Потом выскакивает Петрушка – Лопахин, начинает пилить деревья, с веток слетают вороны, зловещие птицы кружат над Петрушкой, он разгоняет их дубинкой. Вишнёвый сад уходит под землю, на его месте вырастает Дворец культуры. Я его делаю из папье-маше, в окошках будут гореть лампочки и двигаться пионеры».

Никитична слушала Гришу вполуха – и когда он маленький был, и сейчас, – но так убедительно ахала и кивала головой, что, казалось, никто так мальчика не понимает, как она.

– Молодец, Гриша! – на кухню заглядывал Мироныч: ямочки, скулы, щёчки, прищур и добрые морщинки. – Бери судьбу в свои руки, Петрушка, и к делу подходи по-коммунистически. Не держи рассуждения свои при себе! Выбирайся из тёмных лабиринтов голой абстракции на торную доро-

гу реализма. Жадно, неутомимо и страстно руби гнилое прошлое, переходи к чисто научному мировоззрению, вперёд – от идеализма к материализму!

При виде дорогого Мироныча Петрушка с утробным кваканьем выскакивал из-под стола, пожимал деревянными ладошками крепкую руку члена Политбюро и незамедлительно переходил к материализму.

Мироныч познакомился с Гришей в кукольном театре, на премьере. Ему очень понравился боевой Петрушка в Гришиной импровизации: сначала носатый дурак плачет, жалуется на бедную «жисть», потом – раз! – и взвился кострами, стал буревестником, буржуев колотит палкой.

Гриша часто ездил с Миронычем на заводы – после его выступлений ломал камедь для ижорских и краснопутиловских детей. Мироныч был замечательный оратор: заводил пламенную речь и тут же распухал, ширился, вырастал в болванку весом до восьмидесяти пяти тонн, заполняя собой пространство и время. Он был турбогенератором и мощным зубчатым колесом. Рабочие слушали его внимательно. Инженеры с чувством пожимали стальную руку толщиной до трёхсот миллиметров. Гриша, хихикая, грыз косточку большого пальца и представлял себе Мироныча то футуристическим железным монстром, составленным из шара и кубов, то аккуратным римлянином в тоге, с лавровым венком; хотел бы вырезать такую липовую куклу, сделал даже эскиз.

В одной из комнат Мироныча была отлично оборудован-

ная столярная мастерская, иногда Гриша там работал: на токарном станке делал кукол и детали для декораций. Мироныч по секрету от всех ему помогал, когда было время. Он очень любил строгать, говорил, что его любимый запах – это запах свежих стружек. Как бы удивился директор кукольного театра, если бы узнал, что носы Гулливеру, царю и бабе Бабарихе вырезал отец революции! Мироныч хотел научиться балагурить через пищик, пробовал, но у него ничего не получалось, только слюни текли, глаза слезились от смеха. О дружбе с Миронычем Гриша никому не говорил, о ней знали лишь охранник Копытов, жена Мироныча, которая часто ездила лечиться, домработница Телятникова и Маргарита Афанасьевна Полутень.

Маргарита Афанасьевна была балериной, Сергей Минович называл её «моя лебёдушка». Однажды Гриша, забытый в комнатке-мастерской, слышал, как сцепились в любовной схватке Полутень и партийная шишка. Звенели стёкла книжных шкафов, за ними вздрагивали Пушкин, Толстой, Карамзин, Ленин, Шопенгауэр, Ницше, Деникин, Гитлер и поэты-акмеисты, шкура белого медведя ревела от ужаса, а Гриша не знал, как незаметно проскользнуть в прихожую и выбраться из неожиданной засады.

В другой раз Гриша дремал на топчанчике в мастерской – ночь не спал, чинил парусиновую будку, пасмурным утром промёрз в парке Ленина со своей петрушкой. В полусне и полумраке открыл глаза и увидел усатого мужичка, похожего

на кукольного цыгана. Цыган ухмыльнулся и вышел, влетел военный, выпроводил Гришу на улицу. На лестнице застыли, как кариатиды, вооруженные люди в форме, у парадной стояло несколько машин, на улице – ни души.

Дома потрясённый Гриша лёг, закрылся папиным халатом. В квартире было тихо, в окна упёрлись зелёные ветки, все предметы плавали в молочном супе, потом на комод упал розовый луч, и Гриша заснул. Сон был тревожный: в дрожащей берёзовой роще росли неестественно крупные грибы, такие мощные, что даже дотронуться было страшно; Гриша видел сквозь траву и землю, как их корни нитями, шнурами, канатами уходят глубоко в почву, гигантская грибница разрастается на многие километры и, словно чудовищный осьминог, охватывает щупальцами землю.

В Последнем переулке два пионера (Гриша Недоквасов и Толя Шелест) перевоспитывали жильцов дома номер три – склочников, лентяев и грязнуль. Надо было навести порядок в доме, а наглого поросёнка Ваню выселить из квартиры управдома Соломки в хлев. «Пионеры» спрятались за фанерным фасадом с разбитыми окнами.

– Толя, я видел вождя, – шепнул Гриша.

– Мой дядька тоже видел, дядька стармех... ходит на «Анохине». Он сидел в кресле плетёном на палубе... с Кировым, Ворошиловым и Ягодой. Им картошку печёную подавали с селёдкой. Его дядька потом домой забрал... кресло то есть. Теперь водку пьёт только в сталинском кресле...

И жене, тётке Ане, говорит, чтобы на закуску ему картоху с селёдкой подавала. «Ещё чего, – отвечает, – да я тебя скорородником! Дай мне тоже посидеть!» Так в этом кресле и сидят по очереди.

– Я видел не в порту.

– А где?

– Во сне...

Сначала пьеса называлась «Поросёнок Ваня». Работник типографии Николай Адамович Фогельзам, проявивший в боях под Вильно удивительное самообладание и неустрашимость, зарубивший шашкой восемь немецких драгун, но сильно контуженный снарядом и поэтому несколько тугой на ухо, решил, что напечатать надо «Поросёнок в ванне». Афиши вышли с совершенно неожиданным названием, пришлось скорее придумывать новую сцену. Теперь поросёнок нежился в ванне, а Николаю Адамовичу ничего не сказали, чтобы не расстраивать старика.

«Поросёнка в ванне» играли в школах и детских домах, ребята были от него в восторге. Ленинградские театры часто возили спектакли в детские дома, это было обычное дело. Однажды Гриша поехал с друзьями из ТЮЗа в трудовую колонию «Красные зори». Трамвай привёз молодых артистов на берег Финского залива, в старинную усадьбу забытого князя Михаила Николаевича. Грише захотелось остаться в этом парке, в этом дворце, в этом детском королевстве навсегда. Навсегда не получилось, но Гриша часто ездил со

своих городских Красных Зорь в загородные, дышал сладким гнилым морским воздухом, учил детей кукольному делу, на обед ел суп из капусты, выращенной колонистами, и кашу, сваренную на молоке краснозорьских коров, а за ужином намазывал хлеб мёдом краснозорьских пчёл.

Директор Игнатий Ионин говорил: «Каждому – всё!», это был его рыцарский девиз. И у детей, по Гришиному убеждению, было абсолютно всё – огород, коровник, музыка, поэзия, путешествия, лыжи, футбол, счастье и свобода.

Бывало, что в «Красные зори» попадали трудные дети – вокзальники, попрошайки, беспризорные; они никому не доверяли, угрюмо смотрели исподлобья и признавали только силу кулака. В коммуне эти ребята начинали жить красиво, ловили фарт: получали лафовую шамовку и роскошную хавиру. Волшебным образом в кратчайшие сроки они превращались в ответственных строителей светлого будущего: агрономов, зоологов, бравых физкультурников и даже моряков – у колонистов был свой корабль! Наблюдая, как меняются лица и повадки малолетних преступников, Гриша не верил своим глазам. Однажды в столовой он стал свидетелем страшной сцены – новенький мальчик, бледный, в веснушках, с пронзительным криком «Марану, лягавый!» кинулся на Ионина сзади с хлебным ножом. Директор повернулся и совершенно спокойно сказал: «В спину бьют трусы. Бей в грудь!» Мальчик бросил нож и с тех пор повсюду ходил за Иониным, как верный оруженосец.

– Что же ты не поправляешься, Алёша? Ешь, а не поправляешься! – спрашивал рыцарь мальчишку.

– Это я потому такой, что кокаин нюхаю! – отвечал Алёшка, свистя сквозь чёрные гнилушки.

По многочисленным просьбам трудящихся Гриша привозил в «Красные зори» Петрушку. Он ставил балаганчик около дворца на лужайке, окруженной плотно свившимися стеблями оранжевых и красных настурций. На парадной лестнице сидели зрители; небо сияло, чайки орали. «Да у тебя и пашпорта-то нет!» – смеялись над Петрухой бывшие кусочники, безродники и стопари. Гриша чувствовал, что попал в сказочный мир, не имеющий ничего общего с происходящим за его границами, и вот прямо сейчас делает по-настоящему важное дело, ради которого, конечно же, имеет смысл жить.

Петрушка заводил грустную питерскую песню:

Вчера стоял я на стоянке
На Петербургской стороне,
Все фонари мои горели,
Вдруг что-то жутко стало мне.
И в эту странную минуту
Ко мне пристал городской
Он стал ругаться, придиратся,
И записал он номер мой.

(ребята подхватывали)

Я не стерпел такой обиды
И на сцепление нажал.
На полной скорости машины
На эту сволочь наезжа-а-ал...

Петрушка прекрасно знал все задушевные песни мазуриков, поэтому вместе с Гришей был в доверии у новоприбывших. Однажды Алёшка-кокаинист, вообще-то замкнутый, неразговорчивый парень, рассказал Грише историю из своего преступного прошлого. Судя по всему, она врезалась ему в память и беспокоила, хотя закончилось всё хорошо.

Алёшка торговал марафетом – кокаином, смешанным с аспирином. Марафет получал у знакомых в одном доме на Пушкинской улице, прятал в коробочку от карамели и шёл на вокзал: там у него была своя клиентура. Алёшка хорошо зарабатывал. Он любил красивую жизнь и обедал у Ливензона. Про Исаака Ливензона ходили удивительные слухи: говорили, он настолько богат, что может подкупить любого, что он дал на лапу следователю – и тот отпустил красавицу-проститутку Боннель, сунул в зубы врачу и упёк свою старую жену в сумасшедший дом.

У Ливензона была семилетняя дочь Фанечка – пухленькая, с чёрными косами, в круглых очках. Когда официант Аркаша выходил из кухни, было видно, как Фанечка, сидя на ящике с рыковкой, читает толстую книгу наоборот. Как-то Алёша обедал у Ливензона и бездумно смотрел на порха-

ющую дверь, на Фанин силуэт, который то исчезал, то появлялся снова. В какой-то момент дверь распахнулась, но Фани на ящике не оказалось. Раздался вопль Ливензона – Фаню похитили. Вечером Ливензон получил письмо с предложением выкупить ребёнка.

На следующий день Алёша пошёл за марафетом на Пушкинскую. Ему выдали товар и предложили постеречь девчонку. Алёша сразу понял, что стеречь надо Фаню Ливензон. Пришли в незнакомую квартиру. Фаню сторожил парень с белым занюханным лицом. Прежде чем войти к пленнице, он надевал на голову мешок с дырками для глаз. При виде этого пугала Фаня заходилась плачем. Занюханный отдал Алёшке свой мешок и удалился, на лестничной площадке его поджидал официант Аркаша. Фаня сидела на ящике с консервами и в отчаянии царапала ногтями руки. Она была привязана за ногу к ящику, около ящика – открытая банка тушёнки и ночной горшок. Алёша походил по квартире. Видимо, хозяева покинули её в спешке и против воли: везде был беспорядок красивых вещей – рисунки, игрушки, одежда. В клетке лежала мёртвая птичка. В одной из комнат стояли книжные шкафы с распахнутыми дверцами. Алёша взял несколько книжек с картинками и понёс их Фане. Мешок надевать не стал. Фаня читать не хотела, она плакала и умоляла отвести её к маме. Алёша напомнил ребёнку, что мать его в сумасшедшем доме, но оказалось, что всё это неправда, что мама живёт с Фаней и папой, и надо поскорее к ним пойти.

Алёша никак не мог вести Фаню к Ливенсонам, хотя предполагал, что они отвалят ему кучу денег. «Знакомые» его за это просто бы убили. Чтобы успокоить Фаню, Алёша предложил ей попробовать «лекарство» из красной жестяной коробочки с надписью «Карамель». Он сказал, что от этого лекарства запросто взлетают под потолок, и насыпал немного белого порошка на свой пижонский длинный ноготь. Фаня поверила и лизнула, наверно, понадеялась, что сможет вылететь в форточку и отправиться к маме. Алёша высыпал дозу на стол, приложился ухом, прижал мизинцем ноздрю и нюхнул. Он провёл с Фаней два дня, пока Ливензон собирал деньги. Два дня дети отрывались – не чувствуя голода и холода, летали под потолком с лепниной, разговаривали с белыми музами и сатирами. Потом Фаню отдали папе, и Ливензоны исчезли из города навсегда. Ничего страшного не случилось, но Алёше эта история запомнилась, он скучал по Фане...

* * *

Гриша привёз в «Красные зори» отца – показать, как выглядит Главное Место на Земле, и познакомить с Главным Человеком. Иван Андреевич долго разговаривал с Игнатием Вячеславовичем, они нашли кучу общих знакомых: в 1916 году оба жили в Баку и ходили в театр, возможно даже, сидели в соседних креслах. Иван Андреевич сетовал, что Гриша

не стал врачом, подался в артисты.

– Игнатий Вячеславович, в нашей семье все мужчины – дед мой, отец, дядя – были хирургами. Мне хотелось, чтобы и Гриша стал врачом, но он тяжело родился, его тащили щипцами, если присмотреться, можно заметить, что голова несколько вытянута. Читать начал рано, но долго не мог научиться писать, ложку мимо рта проносил, пуговицу своему Петрушке ровно пришить не умеет, какая уж тут медицина!

– Иван Андреевич, а я считаю, что ваш Гриша настоящий целитель! Да он уже состоялся как детский врач, знаток детских душ, вы посмотрите, как он с ребятами работает, ведь в его кружке каждый второй – малолетний преступник с тяжёлым прошлым. К каждому Гриша находит правильный подход, каждого может захватить, заинтересовать. Вот у кого нужно будущим психологам учиться, дорогой Иван Андреевич. Ваш Гриша – человекоед!

Приближался Новый год, у директора был день рождения. Гриша сделал марионетку – Дон Кихота с лицом Ионина, его мечтательными глазами и бородкой клинышком. Кукла всем понравилась. Отмечали рождение всех декабрьских. К празднику колонисты наморозили несколько вёдер мороженого: вишнёвого, карамельного, клубничного и сливочного. Густые, одуряюще пахнущие реки вливались в старые французские мороженицы под названием «Турбино», кокаинист Алёшка в фартуке и колпаке сосредоточенно перемешивал клёвую хруставку. Рыцарь печального образа играл с коло-

нистами в прятки и ловко забирался на шкаф. У него тоже надо было всем психологам учиться. Он тоже был человековед.

* * *

Иван Андреевич тяжело заболел, Гриша терпеливо за ним ухаживал, не хуже фельдшера. Похоронив отца, поскучал, потом кинулся с головой в работу, дома только спал: с утра бежал в кукольный театр, выходные проводил в парках со своим Петрушкой или в «Красных зорях», иногда заходил к Сергею Мироновичу поболтать о книгах и театре, а заодно поесть. Как-то раз Гриша пошёл к Миронычу обменять стопку прочитанных романов на «Молот ведьм» на французском. Около его парадной чуть не столкнулся со странным человеком, который, казалось, находился в крайней степени нервного возбуждения – бел как мел, лицо кривилось; на тонкой шее около подбородка темнело странное пятно. Псих шарахнулся в сторону...

– Здравия желаю, товарищ Копытов! – протрещало сквозь пищик.

– И ты не болей, Петруха!

Маргарита Афанасьевна плакала, Мироныч хмурился, просил её не быть «истеричной жеможахой», а подойти к делу по-коммунистически. «Жеможаха» Маргарита Афанасьевна не хотела подходить и вздрагивала от рыданий. Гри-

ша понял, что не вовремя, хотел уйти, но хозяин его не пустил, попросил остаться, разрядить обстановку, рассказать про книги. Полутень закрыла лицо длинными пальцами, по её рукам бежали и падали на жёстко накрахмаленную скатерть пружины чёрных волос. Авдотья Никитична высовывалась из коридорчика и отмечала про себя, что на крахмальные простыни и скатерти, пальто, шинель и гимнастерки иногда падают самые разные волосы, рыжие, например. Взволнованный Гриша стал рассказывать о борьбе за жизнь в условиях дикой природы: в дремучих лесах герои ищут золото и, чтобы не умереть от цинги, пьют отвар из сосновых иголок; затерянные в океане терпят голод и жажду.

– Маргарита Афанасьевна, помните, что вас спасёт сырая картофелина! Натрите её на тёрке. Картофельный сок победит самую запущенную цингу. Всего пять капель в день. Чтобы вызвать слюноотделение, сосите пулю! Можно лизать топориче. Маргарита Афанасьевна, юнгу хотели съесть голодные матросы!

– Он спасся?

– Конечно! Победил и вернулся домой. Сам всех съел!

– Да, пора обедать! – Сергей Миронович хлопнул себя по крепкой ляжке. Гриша помог Авдотье Никитичне накрыть на стол и в первый и последний раз поел вместе с Миронычем – уху, фаршированную шуку с гречневой кашей и малиновый кисель.

Полутень ушла. Мироныч казался озабоченным, злым.

Гриша отправился было восвояси, но подосиновик его не пустил. Он хотел развеяться. Поехали на репетицию в ГАТОБ. В царской ложе, под серпом и молотом, Мироныч внимательно смотрел, как пленница хана играет на лютне и вспоминает былую жизнь. Твёрдый профиль Мироныча выступал из мерцающей темноты, Гриша его зарисовывал – и так, и этак: со стаканом, с папирсой, с носовым платком. Выходя с Миронычем из ложи, Гриша снова увидел того психа с глазами загнанной зверюшки и вампирским пятном под подбородком. Псих направился к Миронычу, но Копытов мягко оттеснил его грудью. Мироныч холодно ему кивнул, судя по всему, их что-то связывало, они были знакомы. Укушенный махнул рукой и отвернулся.

Подъехали к дому. Выйдя из автомобиля, Мироныч сделал несколько шагов к парадной, остановился в задумчивости и вдруг быстро пошёл прочь – в тёмные дворы Петроградской. Подрезова, Подковырова, Полозова... Мироныч почти бежал, Гриша еле поспевал за ним, перепуганный Копытов так бухал сапогами сзади, что казалось, будто с ним несётся целый взвод. Мелькали заборы, поленницы, спящие деревянные домики с редким оранжевым окошком, плыли немые громады домов с эркерами, башенками, флюгерами. Хищные птицы, дикие звери и девы со строгим взглядом и голой грудью застыли в задумчивости, не обращая внимания на резкий ветер и колючие снежинки. Мефистофель с тонкой улыбочкой смотрел со своей верхотуры, как тоскует и

мечется первый секретарь Ленинградского обкома.

Выбежали обратно на Красные Зори, чуть сбавили скорость. Здесь всё было празднично, во многих окнах горел свет. Снег летел через фонари, пропадал в чёрных лужах, шуршали редкие машины. Подбежали к закрытой столовой. Мироныч застучал кулаком в дверь. Выскочил испуганный сторож.

– Сергей Миронович, можно мне пойти домой? – взмолился Гриша.

– Надо согреться, – сказал Мироныч и снова кинулся в подворотни.

В сквере на скамейке под припорошёнными кустами сирени курили два мужика; два косматых пса крутились рядом и писали на подножия клёнов и фонарей. Мужики пили водку, чокались кружками, были пьяны, бормотали невнятное. Мироныч, тяжело дыша, сел рядом. Мужики посмотрели на него внимательно, собаки обнюхали, одна псина задрала ногу у высокопоставленного сапога.

– От кого бегаешь, дядя?

Опустив голову, Мироныч тяжело дышал.

– На-ко, выпей за здоровье Ефима Митрича Коновалова! – Кирову протянули медную кружку.

– Спасибо. Копытов, что здесь написано? Ты подойди к свету.

– «В память войны России и Германии уряднику Ефиму Дмитриевичу Коновалову от урядника Иллариона Фёдорову»

вича Рогачёва, 1916 год», – прочитал Копытов по слогам.

Мироныч понюхал кружку, опрокинул в рот содержимое и устался в звёздное небо. Большая Медведица, Дракон и Царица на троне внимательно смотрели на освещённый фонарями сквер. Гриша гладил собак и перемигивался с охранником – как бы увести Мироныча домой? Да что с ним происходит? Надо что-то делать!

– Вызвать дополнительную охрану! – громко шептал Копытов.

Неожиданно из кустов ловко и бесшумно выпрыгнул давешний псих. В руке у него был ножик. Он кинулся к Миронычу, одной рукой обхватил его подбородок, а другой подрезал шею – ловко, как опытный грибник. Подосиновик завалился, кружка Ефима Дмитриевича покатилась, «звеня и подпрыгивая». Шинель Мироныча почернела, реальность смазалась, кусты и скамейки съехали со своих мест, фонари свернулись в бараний рог, брань мужиков, лай Тузика и Кубика перекрыл бабий визг охранника Копытова: «Полоснул, сковырнул, подреза-а-ал!»

В тюрьме у Гриши отобрали всё, кроме пищика – он с привычной ловкостью спрятал его в гортани. В камере было сумрачно, сначала Грише показалось, что он здесь один, но вот началось шевеление, и с нар к нему полезли мужики – знакомиться. Один, со сверкающими фиксами, хотел поменять свои стоптанные сапоги на Гришины ботинки, папины, удобные, хоть и без шнурков. Гриша стал с ним спорить и причитывать голосом Петрушки, зубастому понравилось, он отстал.

Гриша был уверен, что скоро его отпустят – не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра; им, конечно, нужно время, чтобы во всём разобраться, но и сильно задерживать не станут: премьера на носу. Когда начались допросы, Гриша подумал, что, скорее всего, живым из тюрьмы уже не выйдет. Следователь Цементюк требовал, чтобы он признался в сговоре с террористами, которые организовали убийство Кирова. По версии следствия, Гриша с Копытовым заманили Мироныча в сквер, где он и был зарезан. Две ночи подряд Гриша повторял, что Кирова любил, ни в чём не виноват, и Копытов тоже не виноват, потом признался, что виноват, потому что не обратил должного внимания на психа, да и Копытов тоже хорош – бухал сапогами и не слышал, как тот бегаёт за ними по дворам и ждёт удобного момента, чтобы гриб подрезать. Цементюк решил, что Гриша бредит, он и сам устал,

время от времени отворачивался к портрету Дзержинского и нюхал с ногтя порошок. Через несколько дней детали обвинения изменились – теперь говорили, что Киров был застрелен в Смольном опять же по замыслу вредительской организации. На очной ставке Копытов, таращась подбитыми глазами, подтвердил своё и Гришино участие в страшном заговоре. Авдотья Никитична в фиолетовой кофте с ниточками вместо пуговиц вошла в кабинет, чинно села на предложенный стул.

– Авдотья Никитична, расскажите им, как мы дружили с Сергеем Мироновичем. Объясните им!

Цементюк кивнул домработнице, она с готовностью встала и, ткнув в Гришину сторону пальцем, сказала: «Он! Заговорщик. Убийца. Шпион». Кто-то скулил за дверью. Красноармеец привёл косматого чёрного Тузика, тот, увидев Гришу, рванулся и завилял хвостом. «Признаёт хозяина», – записал Цементюк в протоколе.

На следующую очную ставку привели «непосредственно-го убийцу Кирова». К совершенному Гришиному изумлению, это был не тот псих! Маленький коротконогий мужчина нёс какую-то околесицу и говорил всем «Спасибо, что покормили курочкой».

Гриша перестал что-либо понимать, Цементюка сменили, теперь следствие вёл Павел Осипович Скрежетов, который не принимал отрицательных ответов: на его вопросы нужно было отвечать только «да». Грише всё надоело, он стал раз-

говаривать с Павлом Осиповичем через пищик. Когда в кабинете деревянным голосом вдруг затрещало: «Вся власть советам! Умрём, но не сдадимся!», Скрежетов стал дико озираться по углам, заглянул под стол, дёрнул занавеску. Гриша молча сидел на стуле, при этом откуда-то неслошь:

Смелее, бодрее, под огненным стягом,
С наукой, борьбою, трудом!
Пока не ударит всемирный штормяга —
Последняя схватка с врагом!

Перепуганный насмерть Скрежетов на всякий случай ударил Гришу в челюсть, пищик пробил язык и выпал изо рта. Гришу посадили в карцер, там он провёл пять суток – с распухшим ртом и высокой температурой. Глаза привыкли к темноте, пространство наполнилось мерцанием и плывущими зелёными пятнами, день слился с ночью, в Бакинском театре давали «Ревизора», отец, Ионин и Мироныч сидели во втором ряду партера и дружно смеялись над Бобчинским.

В Песчанке контрика-террориста Недоквасова, а заодно кулацкого подпевалу Петю Мотовилова спас от гибели Петрушка – когда оба они доходили на лесоповале, их сняли с работ и отправили устраивать театр в красноягский дом малолетних врагов народа. Петя к миру Талии и Мельпомены не имел никакого отношения, он был этнографом, жалел крестьян, бредил скифами и тихо загибался от недоедания. Когда Гришу морозным чёрным утром позвали в комендатуру и велели собираться со вшами и всеми чучелками в Красный Яг, он категорично заявил, что без знатока перчаточных кукол Мотовилова с театром не справится, и показал свою левую культю: в лесу он умудрился отпилить себе палец. Было темно, онемевший от мороза большой палец попал в стальные зубы. Гриша почувствовал боль, только когда второй раз провёл пилой по рваной рукавице. Гриша подошёл к охраннику и показал ему пропитанную кровью рукавицу.

– Мастырка! – матерясь, Жучков побежал за начальником.

– Саботаж, дополнительный срок! – кратко пояснил прикрипевший по снегу лейтенант Линюк.

Гриша спокойно объяснил лейтенанту, что тяжело родилась, тянули щипцами, голова как огурец, пуговицу ровно при-

шить не может, вот и с пилой не справился. В больнице покалеченный палец отрезали, послали работать дальше, а ведь могли намотать ещё несколько лет за такое членовредительство.

– Без Мотовилова я кукол делать не могу...

Полковник Зобов вспомнил, как в Новый год в столовой перед охраной, состоящей из демобилизованных красноармейцев, Петрушка бил дубинкой Гитлера по голове. Хлеба у личного состава ИТЛ было достаточно, а вот со зрелищем повезло впервые. Полковник размяк и разрешил Грише ехать с подручным. Так Гриша с Петей пролезли из своего профундуса в калашный ряд придурков и аристократов.

Лагерная жизнь носатого героя началась, когда он, находясь ещё в зачаточном состоянии, свёрнутый из тряпок и разрисованный углём, стал веселить тех, кто от усталости и болезней даже разговаривал с трудом. Враги народа улыбались Петрушке, блатные угощали его хлебом и сахаром. Гришин Петрушка смягчал сердца самых суровых охранников, ему вдруг разрешили иметь деревянную голову, руки, дубинку, лошадку, разнообразных друзей и врагов, он совершенно очеловечился, по нему даже блохи запрыгали; его актёрская карьера складывалась чрезвычайно удачно – слава о нём доползла до начальственных полубогов и богов.

В трясущемся на ледяных колдобинах грузовике Гриша ехал в Красный Яг с Петрушкой и Мотовиловым, который из-за крайней своей худобы сам смахивал на деревянную

куклу. Бесконечно разматывалась колючая проволока, пространство расчленили дозорные вышки и дымовые столбы, длинной цепью тянулись свежесрубленные, не успевшие ещё почернеть бараки. Гриша вспоминал Мироныча: «Не было террористической организации. Был псих, были женщины, был театр. Всё переврали. Было волнение души и кружка Коновалова, рыдала красавица Полутень. Мироныч любил театр и умер таинственно и театрально. И ведь психа того не нашли, даже не искали. Выстрелы в Смольном придумали. Тюрьму на полстраны построили».

* * *

Малолетние враги народа оказались похожими на Гришиных чучелок: на них было наверхено столько тряпок, что самого врага не сразу удавалось разглядеть. Несмотря на то, что печки гудели без перерыва и в бараке висел банный пар, полы были холодные, гуляли сквозняки. Совсем юные враги сидели в кроватках – обструганных деревянных ящиках на ножках. Старшие бегали и дрались. Те, кто умел только стоять, стояли, держась за ящики. Когда кто-то из этих стоящих задумывал сесть, главняня Броня шлёпала по набитому тряпками заду, и жидкие ножки тут же выпрямлялись.

Гриша со своим подручным должен был создать театр, который мог бы идейно воспитывать сбившихся с прямого социалистического пути обитателей ползунковых, младших,

средних и старших детских групп, а также гастролировать по зонам, поднимая рабочий дух как ээков, так и вохровцев. Кроме того, Недоквасову с Мотовиловым предписывалось снабжать детдом водой, дровами и быть на посылках у раскулаченного истопника Архипыча.

Архипыч был изобретателем. В прошлой жизни, которая счастливо протекала в деревне Добрые Пчёлы, в старинном доме, оплетённом кружевной резьбой, он изобрёл Особую Механическую Маслобойку. Кузнец Силыч выковал цилиндрики, накладочки, винты. Рюмочка дала ведро жирного молока. Архипыч стал крутить ручкой – шестьдесят махов в минуту – и получил такое вкусное масло, какого в Добрых Пчёлах и не нюхали. Архипыча как имеющего сельскохозяйственную машину эксплуататора винтов отправили с семьёй в дремучие леса, Рюмочку зарезали, в доме устроили клуб. На поселении изобретатель похоронил всю свою семью, он состарился, согнулся, был спокоен, добр, аккуратен – за это ему доверили печное хозяйство детского дома.

Артист Недоквасов произвёл приятное впечатление на толстомясую, похожую на сытую летучую мышь начальницу Гвоздеву – он выгодно отличался от общей массы лагерных аборигенов: держал осанку, говорил баритоном, умел заразительно смеяться и ласково смотрел красивыми глазами, романтически обведёнными чёрными кругами, как у любовников, убийц и самоубийц в немом кино. На новой зоне Гриша был «самоохранником»: Гвоздева разрешала ему бескон-

войно перемещаться по лагерю, отлучаться в лес в поисках «правильного» дерева для кукол и декораций. Она помогала доставать краски, бумагу, фанеру и прочий театральный заготовочный материал, а главное – сквозь пальцы смотрела на то, что «артисты» свободно заходят в группы, возятся с детьми и разговаривают с Броней. Общаться с женщинами в лагере не разрешалось, но Гриша и его подручный были на особом положении: в детдоме они выполняли культурно-воспитательную работу и, следовательно, не могли обойтись без помощи няньки.

Алиментарный дистрофик, умный книжный человек Петя Мотовилов поначалу никакого участия в театральном деле не принимал, он носил с кухни чаны с серой жижей, терпеливо ждал конца вражеского обеда, потом вычищал хлебной коркой жестяные мисочки и на детских объедках здорово поправился. Через запотевшие окна дети смотрели, как он ловко колет дрова – своим секретным способом: так, чтобы полено от удара разлеталось на четыре части. Для защиты от резкого ветра Мотовилов наматывал на лицо платок. Большой, с топором, в тряпичной маске, Петя был похож на мифическое существо, демона из народных преданий. С позволения начальницы Гвоздевой он рассказывал детям волшебные сказки и читал стихи, которых знал великое множество, однако выбирал только те, где говорится про еду. Ему не нравилось, что в орешках ядра – изумруд, а вот снег, похожий на сахар и творог, вызывал в нём поэтический восторг. Дети не

знали, что такое творог, но с интересом слушали стихи старшей Петинной подруги по ИЛЯЗВу, институту сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока:

Аксинья-полухлебница —
Зима на перевал.
Мороз суровый след лица
В деревья надышал.
Стоят они как в сахаре,
Как сахаром хрустят.
А брёвна ночью ахали,

С морозом говоря:
Ах, колемся, расколемся —
Тяжка твоя рука!
Святой Аксинье молимся,
Заступе бедняка.
В печи Аксинья солнечный
Раздует огонёк,
Осядет иней полночью,
Как белый творожок.
Аксинья-именинница
Всем шанег напечёт;
Зима на север сдвинется,
Нам – солнца поворот,
В последний раз, Аксиньюшка,
Метелица метёт¹.

¹ Нина Гаген-Торн. – *Прим. ред.*

Главняня назначила Петю дегустатором манной каши, приняв во внимание его сердечное отношение к детям и выпирающие кости. Через несколько месяцев детдомовской жизни Мотовилов настолько растолстел, что мог уже безболезненно сидеть на стуле. Начальница Гвоздева влюбилась в Петю. Однажды она подловила его в коридоре и попыталась обнять. Книжный человек с перепугу уронил ей на ногу ведро с водой и бежал от неё, как Иосиф от жены Потифара. Всесильная Гвоздева могла бы стереть Петю в порошок, выслать его подальше от манной каши и друга Недоквасова, но она проявила великодушие и простила доходягу. При встрече с Иосифом лишь улыбалась и снисходительно шутила про его «хотелку», которую, видимо, сдали в стирку со штанами, а забрать забыли. У Гвоздевой не было недостатка в восторженных почитателях её крепких мясов. Среди вохровцев попадались настоящие сатиры и приапы. Гвоздева купалась в мужском внимании и чувствовала себя Клеопатрой и Екатериной Второй. У Гвоздевой был сын на фронте, она по нему скучала и свои материнские чувства переносила на молодых охранников и заключённых. В чувствах этих Гвоздева заходила слишком далеко, однако её никто не осуждал, вреда никому не было. Ещё начальница любила выпить, но её ни разу не видели осовелой – она всегда находилась на одном градусе бодрости и веселья. Мужское внимание и выпивка были, пожалуй, единственной слабостью Гвоздевой. Она ела са-

мую простую пищу, форменную одежду донашивала до дыр, в быту не терпела никаких «украшательств». Пила разбавленный спирт или «шампанское» – забродивший берёзовый сок Архипыча: старик собирал сок для детского стола и хранил его в подполе в бутылках. Если сок начинал бродить, экономная начальница забирала его и пила, «чтобы добро не пропадало».

В подчинении у Брони были три няньки – две бытовички, у которых здесь же, в детдоме, находились собственные малыши, что было для них несказанным счастьем, устроенным заступницей Гвоздевой, и деревенская девушка Тоня, которая всё не могла понять, за что её отправили в лагерь.

Однажды Петя рассказывал детям шотландскую сказку о том, как мальчик победил морское чудовище. Чудовище грозило разорить королевство и погубить всех людей. Злой звездочёт посоветовал королю раз в неделю отдавать чудовищу на съедение нескольких девушек. Девушек отводили на берег, чудовище слизывало их раздвоенным языком. Каждая деревня должна была предоставить шесть девушек – это было постановление королевского совета. Тоня вместе с детьми слушала сказку. Вдруг она зарыдала, её не мог утешить счастливый конец и королевский пир.

Мотовилов знал, каким образом Гриша «записался в террористы». Гришины симпатии к Кирову он не разделял.

– Душегубец был твой Мироныч, не за что простому народу его любить. Что он делал для того, чтобы крестьянин

быстрее усваивал лозунги революции? Да в затылок стрелял за пять колосков. Палач он и душегубец, и не говори мне, Гриша, про него. Из таких театралов утончённых, декадентов, самая мразь получается, ты уж мне поверь. Вот спроси у Архипыча, каково ему было без дома остаться и всех детей похоронить, иди спроси. Обсосал твой Миرونыч их косточки и выплюнул.

– Петя, а вдруг он иначе не мог? Может, мы чего-то не понимаем?

– Ты что, его оправдываешь? Палачей народных оправдываешь? Дурак с культёй, глуп, как и его Петрушка!

– Ну не сердись, я правда ничего не понимаю, сколько лет уже живу как во сне...

Дети в средней группе не умели говорить и боялись всего нового – когда из-за Гришиной спины выскочил Петрушка, раздался рёв. Петрушку устранили, начали с чучелок. Чтобы не пугать детей, Гриша стал перед ними сворачивать чучелок из пелёнок и полотенец. Раскрыв рты, малыши смотрели, как зарождается жизнь: вот голова, вот руки, вот рот, нос, глаза! Каждое утро начиналось с кручения чучелок, дети сами рисовали им пуговицы и волосы, они научились складывать слова в предложения и перестали драться. Появились чучелки кошек, собак, охранников, начальницы Гвоздевой (ей очень понравилось) и разных неведомых детям зверей – жирафов, слонов, крокодилов. Самое красивое чучелко было няни Брони – с голубыми глазами и жёлтой косой, уло-

женной на голове.

Одним из немногих детдомовцев, не испугавшихся Петрушки, был Костик по кличке Мухомор – серьёзный вдумчивый мальчик с крупненькой головкой, но косноязычный, худенький, бледный. У него, несомненно, был научный склад ума. Познавать мир в тюремном бараке было непросто. Костик собирал на подоконниках мумии мух и комаров и часами рассматривал их устройство. У Костика была мама, Броня сказала, что она бывшая балерина, работает на скотном дворе в колхозе имени Кирова и несколько раз в год навещает Мухомора. Когда-нибудь освободится и заберёт ребёнка «насовсем».

Костик обожал Гришу и его театр, он был такой правильный, рассудительный, что ему доверяли ножницы и отвёртки.

– Сто бы тебе больше понлавилось – ходить в цистой, но лваной одежде или в глянзой, но осень аккумулятой?

– Костик, лучше, конечно, чистый костюмчик.

– Когда я выласту, буду в цыстом костюмцыке ходить. Иглать с тобой Петлуску. Выступать хоцу. Буду главным.

– Костик, ты молодец, будешь главным. Руководителем будешь, да?

– Буду луководителем театла.

Мухомор единственный из группы мог спокойно сидеть на стуле – другие разбегались, распоззались. Гриша рисовал его: с мисочкой, с чучелком, с карандашиком.

В старшей группе Гриша ставил спектакль по башкирской сказке. Эту сказку ему рассказал Петя, а Пете её рассказал фольклорист Мухаметши Абдрахманович Бурангулов – в Уфе, в институте языка и литературы. Сопливые враги народа превращались в богатырей, зверей, драконов, дивов и царей. Петя громко читал сказку, а Гриша и дети показывали сцены. Вот мощно шагает Урал-батыр; минуту назад он стоял за фанерным лесом и ковырял в носу, а теперь идёт искать родник жизни, чтобы победить смерть. Вот доедаемый глистами небесный царь птиц Самрау – у него маска с острым клювом, он парит над землёй и задевает бумажным крылом сидящую в первом ряду начальницу Гвоздеву. Вот дефективный Максимка. Максимка – змей, проглотивший оленя. Змей идёт биться с батыром. Максимке тяжело держать равновесие, но он старается изо всех сил: весь извивается, потому что олень хочет из живота выбраться, и сосредоточенно плюёт ядовитой слюной. Со змея съезжает маска, у него доброе мягкое лицо и монгольский разрез глаз.

Батыры и звери росли на зоне, территория их обитания была ограничена деревянным забором и колючей проволокой, они видели только бараки, сторожевые вышки, зимой – снег, летом – утоптанную землю и где-то там, далеко, розовые кущи иван-чая. На собрании ударница Броня внесла рацпредложение «водить детей любоваться природой». Гвоздева разрешила ей гулять с детьми по лесу в сопровождении военизированной охраны. Прогулки, правда, при-

шло на время отложить после того, как два курносых приапа не смогли удержаться от искушения проявить свою античную сущность: добравшись до первых берёз, они побросали винтовки и сняли штаны. Дети шли «чинною кучкою», близорукая няня с букетом полевых цветов плыла в жарком воздухе, жужжали мухи, Панов и Головкин тряслись в приступе гомерического смеха.

Вскоре приапы пересмотрели своё легкомысленное отношение к зэчке Броня. На зоне они были не только стрелками, но и гробокопателями. Ребята, поступавшие в детский дом, были, как правило, чем-то больны либо очень ослаблены. Няньки ложились костью, выхаживая маленьких врагов народа, но смерть ходила среди кроваток, заглядывала в детские лица. За лагерным забором росло кладбище. Гриша делал фанерные гробы. Вместе с Пановым и Головкиным Броня провожала маленьких покойников в последний путь. Видя, как скорбно нянька прощается с умершими, вохровцы прониклись к ней уважением. Своей строгостью и простотой Броня напоминала Панову и Головкину деревенских старух. Когда Броня снова стала водить детей в лес, стрелки вперёд уже не убегали, штаны под берёзками не снимали, держали себя пристойно, помогали собирать грибы и ягоды.

Броня старалась наполнить смыслом жизнь своих подопечных и к Гришиному театру относилась с благоговением – в нём мир красноягских малолеток становился прекрасным и огромным. В детском воображении нарисованные го-

ры, реки, звёзды, деревья оживали, начинали шевелиться и перешёптываться. Возникали важные понятия – «земля», «космос», «жизнь», «смерть», «добро», «зло». Во вшивых головах выстраивалась чёткая модель мироздания, картина реальности, размазанная, как манная каша по миске, собиралась в стройный и выразительный рисунок. Вместе с героями эпоса дети странствовали по земле и небу, сталкивались с силами природы, боролись за счастье и свободу.

Искренняя, непосредственная игра детей в залатанной одежде, с грубыми масками из веток и шишек, производила огромное впечатление на Петю Мотовилова. «Вот она, древняя мистерия! – говорил про себя этнограф-водовоз. – Вот оно – таинство! Вот оно – чудо. Чудо – в преодолении того, что кажется несокрушимым: дети счастливы в сущем аду. В сказке истина и простота. Народная мудрость – защита для ребёнка... Со сказкой в сердце он пройдёт сквозь заборы и колючую проволоку».

Гриша видел, как меняются, взрослеют, добреют его артисты, он вспоминал театр на взморье и мечтал рассказать о своём тюремном опыте работы с малолетками Игнатию Вячеславовичу Ионину. С детьми Гриша ставил спектакли и выступал в детдомовском зале КВЧ. С Петрушкой ездил по клубам Печорлага. Однажды на гастролях, на дальней зоне, он встретил осуждённого краснозорьского воспитателя и узнал, что огороды, пчёлы, корабль, вишнёвое мороженое и прочие составные детали детского счастья были следствием

злоупотребления властью. Дон Кихота приговорили к расстрелу, друзья и воспитанники отчаянно пытались его спасти, он умер в тюрьме. Спектакль был сорван, Гриша забился в угол, деревянный друг тяжело вздыхал на его груди.

К будущему «луководителю театра» Костику приехала мама. Несмотря на редкие свидания, Костик хорошо её помнил и ждал. Был тихий час, но «луководитель» не спал, няня Броня разрешила ему раскрашивать с Гришей космического коня. В дверь постучали, вошла высокая женщина, худая и бледная, как тень, её щёки по-старушечьи ввалились: не спасли от цинги пять капель картофельного сока. Опрокинув баночку с краской, Костик бросился к маме, зарылся в пружины седых волос, а Гриша, когда обрёл дар речи, спросил:

– Маргарита Афанасьевна, почему Мироныч вас жеможахой называл? Что это значит?

– Это из тропаря, Гришенька. «Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, яко же можаху». Это значит: «Ты, Христе Боже, преобразился на горе, показав ученикам Твоим славу Твою, насколько они могли её видеть». «Яко же можаху» – «насколько они могли её видеть», Гришенька. Купчиха не знала – что за жеможаха, вот Сергей Миронович и обзывался.

– А почему наврали про выстрелы в Смольном? Ведь Мироныча зарезали в скверике, я же был с ним тогда, я видел!

– Гришенька, он так любил своего Кирыча, ну каково ему

было признать, что друга рабочих, революционера, первого ленинградского коммуниста, как барана, зарезали? Он ведь в молодости видел, наверное, как баранов режут... Ну каково ему было, представь.

– Маргарита Афанасьевна, Мироныч знал про Костика?

– Знал, я ему сказала, что будет ребёнок.

– Сын Кирова – враг народа?

– Гриша, никому не говори.

– А кто Мироныча зарезал?

– Илья Ефимович Бобриков, первая скрипка. Он был в меня влюблён.

– А что же он сейчас делает?

– Когда война началась, мама мне написала, что бобровый воротник отправили посылкой в Молотов. То есть эвакуировали весь театр. Потом я получила мамино письмо с записочкой от Ильи Ефимовича. Илья Ефимович писал, что сильно поизносился, и ему из театрального гардероба выдали костюм Ротбарта, поэтому он по улицам ходит в костюме гения зла. Ещё он написал, что желает мне поскорее выйти из комы. Может быть, не понял, что я в Коми?

– С ножиком больше не бегает ваш гений зла?

– Он музицирует, Гришенька. Илья Ефимович – первая скрипка.

Террористов Недоквасова и Мотовилова переполняло чувство любви к няне Броня. Чувство это проявлялось в том, что Броню они друг с другом никогда не обсуждали, по Бронину заповедному пространству, то есть детскому бараку, даже с охапками дров ходили на цыпочках, разговаривая с самой Броней, смотрели исключительно на её ботинки. Для Пети Броня была неразрывно связана с той серой питательной биомассой, которая по утрам вулканически хлюпала в закопчённых чанах на кухне детдома и в своё время спасла ему здоровье, а может, и жизнь. Гриша был уверен, что, несмотря на дальность расстояния и разность миров, Броня состоит в тайных дружеских отношениях с одним хитрым маскароном на Петроградской стороне: там со стены дома смотрит женское лицо. Маленький Гриша думал, что это его умершая мама просунула голову сквозь стену и притворилась каменной маской, чтобы подглядывать, куда он ходит и как себя ведёт. Ему казалось, что маска водит глазами, но это было не страшно, он делал вид, что не замечает маминой слезки, и всякий раз шёл мимо неё вежливо, не плевался, читал стихотворение или пел песню.

Броня училась в восьмом классе, когда её семью отправили на спецпоселение: оказалось, что тихий Бронин папочка, скромный работник детской поселковой библиотеки, вёл по-

раженческую агитацию. Агитация выражалась в неправильном распределении книг на полках – до Крупской первоклассник ни за что не смог бы дотянуться, зато контрреволюционная заумь про человека ростом с маленькое ведёрко была расставлена на козырных нижних полках. Кроме того, дома у папочки нашли переписанные от руки антисоветские стихи про профессора Тартарелина, в них милиционеры были изображены идиотами. Решили, что папочка пропагандировал запрещёнку детям в библиотеке, хотя этого не было – в библиотеке он вслух читал журнал «Чиж», а про Тартарелина читал своей жене дома: они вместе хохотали, Броня смотрела на них и радовалась, что родители счастливы:

– «Катенька, – сказал профессор, – брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке».

Папочку звали Иван Адамович Щенкевич. У него был брат Василий, его тоже судили, но не за старушку, которая чернила покупала, а за четырёх коров. В вагоне, пахнущем животными, забитом людьми и узлами, Броня с мамой, бабушкой и папой поехали на север. Их имущество конфисковали, единственной уцелевшей Брониной ценностью было голубое пасхальное яичко на бронзовой подставочке. Бронины воспоминания о переезде были совершенно фантастические: в лесу она заболела и видела вокруг себя не людей, а картинки из книжки про научные изобретения. Настоящие люди валили деревья, складывали их длинным шалашом, сверху закидывали лапником, песком и снегом. Броне

же казалось, что всю эту работу делает спрыгнувший со страниц детской книжки ловкий робот Топотун, друг мальчика Толи в белой майке и синих трусах. Ещё к Броне приходили большевик Том Сойер и его злая толстая тётка:

Тётя Полли была настоящей жадиной —
Это всем рассказывал Том,
И сахар, и варенье, и каждую виноградинку
Прятала она под замком,
И Тому давала только по воскресеньям
В награду за хорошее поведение и ученье...

«Тётя, тётя, покажите,
Где страна большевиков!
Вы всегда меня браните,
Я туда уйти готов».
И, смеясь сердито, тётя
Показала – «Ленинград.
Там и петлю вы найдёте!» —
Том ответил: «Очень рад!»²

Броня лучше помнила то время, когда отец работал на конюшне и вся семья жила в длинном бараке со множеством чужих людей. Щенкевичи занимали угол с буржуйкой, сделанной из железной бочки; от прочего мира их отделяло подвешенное к потолку пальто. Было холодно и голодно, Брони-

² Надежда Павлович. – Прим. ред.

ны косы примерзали к обледенелым стенам, крыса покусила бабушке нос. Ивана Щенкевича в бараке недолюбливали и обзывали паном. Бабушка защищала его, грозно взмахивая тряпкой: «Какой из него пан, если он и в Польше-то ни разу не был и по-польски-то никак не говорит!» Бедная бабушка – её покойный муж, Адам Щенкевич, самый красивый инженер путей сообщения Николаевской железной дороги, мечтал, чтобы сыновья были «столь же хорошими поляками, как и хорошими русскими», но в 1939 году в РСФСР это было совершенно невозможно.

Папочка подворовывал – с конюшни приносил овёс: в сапоге, шапке, кармане, рукаве, портянке; ночью тихонько толлок его в ступке, утром из кулака высыпал в Бронину чашку с кипятком серый порошок. Получался то ли студень, то ли кисель. Особенно он был вкусен с клюквой и морошкой. В полуночной тишине, составленной из храпа, всхлипов, бормотания, детского плача, время от времени слышалось осторожное «тук-тук».

– Тук-тук!

Ближайший сосед Щенкевичей – ленинградский слесарь Пятаков – из-за стука не мог заснуть. Каждую ночь, услышав ненавистное «тук-тук», он принимался кашлять и материться. Стук прекращался. Румяный пионер с крылышками обкладывал лысину Пятакова тёплой ватой, усталое тело слесаря обретало невесомость, отлетало на василеостровскую кухню, где пахло сардельками и уютно шелестели тараканы, но

неумолимое «тук-тук» пробивало брешь в стене, выкрашенной зелёной масляной краской, царство Морфея трещало по швам, верёвки с бельём раскачивал космический сквозняк.

– ... твою мать! – кричал Пятаков.

Стук прекращался.

Кто-то донёс, что поляк зерно ворует. Пришли два красноармейца, толкнули нарушителя порядка, стащили с него сапог. На землю высыпалось несколько зёрен. «Бронечке кпяточек забелить!» – отчаянно кричал Иван Щенкевич. Ворешку расстреляли, его жену, дочку, мать судили и развели по разным лагерям. Броня осталась совершенно одна, она жила с чувством бесконечной вины перед родными. Что бы она ни делала, перед глазами стоял папочкин кулак с разбухшими костяшками, её единственным желанием было прижаться к нему щекой.

На зоне с Броней могло случиться всё самое плохое, но она снова заболела, а когда поправилась, узнала, что её оставляют в больнице санитаркой. Главным врачом был вольнонаёмный доктор. Он пожалел Броню – то ли за красоту, то ли за доброе отношение к лежащим, долго держал на стационарном лечении, при выписке не разрешил посылать на тяжёлые работы. Этот доктор ничего не делал, только для вида обходил больных, по большей части сидел в своём кабинете и перебирал бумажки. За него работали врачи-зэки. У них Броня научилась колоть вены и лечить обморожения, она в совершенстве овладела техникой возвращения уголов-

ников с Того света, начальство поощряло её мылом и хлебом. Через два года Броню отправили в детдом нянчить малолетних врагов народа. Там она по-стахановски сократила показатель детской смертности и вскоре была назначена главняней. Броня жила в одном помещении с детьми, в своём «уюте», спрятанном за занавеской. От прошлой жизни у Брони осталось лишь хрустальное гранёное яйцо. Чтобы утешить плачущего ребёнка, она забирала его к себе в уют, доставала яйцо и крутила на свет. Детскому глазу открывалось множество голубых фантастических миров.

Пошёл десятый год Гришиной лагерной жизни, заканчивалась война, заканчивался Гришин срок. Гриша об освобождении не думал, ему хотелось бы остаться в детском доме с Броней, Петей и Архипычем. «Красные зори» на взморье смыло волной, в отцовской квартире жили и умирали чужие люди, ехать было некуда, да и не пустили бы Гришу в Ленинград, его ждал либо новый срок, либо поселение.

– С нами ещё поживёшь, – утешала Гришу начальница Гвоздева, – куда же мы без Петрушки?

Гвоздева воспринимала детдомовский театр как свою ответственность, это был предмет её гордости и зависти крепостников из соседних и дальних лагерей. Гвоздева покровительствовала «артистам» Мотовилкову и Недоквасову: они не голодали, им выделили тёплую мастерскую, там стояло большое мутное зеркало, которое начальница чудом раздобыла в печорской тайге, Гриша часами оттачивал перед ним движения зайчиков и лошадок.

Начальница прекрасно понимала, что это Гриша кукол делает и водит, а друг его Мотовилов сбоку припёка, что зря его в артисты записали, хотя он артистически колот дрова, артистически таскал воду и артистически чистил детский нужник. Но она всё равно держала его в «артистах» – видимо, не остыли её романтические чувства. Плотная, курно-

сая, она была похожа то ли на властную помещицу, то ли на шустрого купчину – мецената провинциального театра, осталось только бороду приклеить. Гвоздева заботилась о своём маленьком народце и всеми силами старалась повышать его куртульный уровень: беспрестанно хлопотала – что-то выбивала, добывала, складывала, заносила в списки и охраняла. В детдомовском зале КВЧ образовались библиотека, музыкальный уголок с празднично мерцающими духовыми инструментами и кружок естествоиспытателя с образцами полезных ископаемых, которые кайлом добывали родители юных натуралистов. Питание детей было однообразным, они неделями ничего не нюхали, кроме манной каши с сушёной черникой. При этом культурно-воспитательная сторона их жизни была яркой и интересной.

Со своим балаганчиком Гриша без конца гастролировал по зонам: Петрушка агитировал измождённую почтеннейшую публику выполнять и перевыполнять трудовую норму. Иногда лагерные начальники вызывали Гришу для домашних представлений и детских праздников. С позволения Гвоздевой Гриша брал с собой Костика как ассистента – во время спектакля мальчик подавал ему кукол. Гриша торжественно назначил Костика руководителем театра. «Луководитель» был бесконечно счастлив, после выступления протирал кукол тряпочкой и аккуратно складывал в ящик. Спрятавшись за ширмой, Костик смотрел в щёлку на весёлых сытеньких детей, иногда ему перепало что-нибудь вкуснень-

кое с праздничного стола. Однажды после представления в доме полковника Грише налили водки. Пришлось выпить. По дороге домой в ледяном кузове захмелевший Гриша обнял закутанное чучелко Костика и сказал, что вообще-то в городе на Неве у них есть большой каменный дом, и в один прекрасный день они туда поедут, будут делать кукол в собственной столярной мастерской и выступать в больших театрах. «Луководитель» пробормотал, что надо бы не забыть маму, главняню и Петю Мотовилова.

На гастролях в Абези Костик впервые увидел северное сияние: в чёрном небе носился золотой ветер – туда-суда, туда-сюда. Там же, в театре, он увидел «самое красивое в своей жизни» – репетицию балеринок: вдруг услышал, как колотят молотками по полу, подумал – ставят декорации, зашёл в зал, оказалось – прыгают воздушные женщины в белых перьях. Они подлетали, застывали в невесомости и мягко опускались на сцену. Так виделось издалека. А вблизи Костик слышал хриплое дыхание, плечи резко поднимались и опускались, на лицах блестели капли, на пачках из бинтов и марли – бриллианты.

В Абези Гриша выступал в театре и в примыкавшей к посёлку лагерной зоне. Однажды ему пришлось репетировать в бараке для инвалидов. На нарах лежали старики с открытыми чёрными ртами, ввалившимися щеками; несколько стариков пришаркали к балаганчику, они скорбно смотрели на Петрушку, его шутки никого не смешили. Костику

было страшно от этих стариков. Один старик дал ему кусок концентрата, Костик из вежливости его погрыз. Старик погладил Костика по голове, сказал, что они с Гришей хорошие пуримшпиллеры и если они поедут в Прагу со своим театром, то все будут их смотреть. Там они разбогатеют, будут есть кнедлики, брамбораки и гуляш. Эта идея понравилась Костику, он предложил Грише поехать на зону в Прагу, если это, конечно, не очень далеко.

Больше всего Костику нравилось выступать в садах для детей личного состава лагеря – там давали тушёнку и компот, – и в Печорском клубе – там были большие концерты и весёлые зрители, после Гришиных представлений другие артисты показывали акробатические номера, потом на улице все плясали и пели что-то задорное и непонятное:

Начинаем хулиганить,
Будем вам частушки петь.
Разрешите для начала
На... валенок надеть!

В клубе на руководящей должности работал инженер Николай Иванович. Николай Иванович увлекался механикой, его стол был завален чертежами и проектами. Он по-доброму относился к Грише с его «луководителем», старался, чтобы артистов хорошо кормили и селили в удобном бараке. Инженер рассказывал Грише, как можно устроить канализацию в условиях вечной мерзлоты и подключить к станкам вечный

двигатель. Ему очень нравились Гришины марионетки и декорации, больше всего на свете он любил болтики, винтики, шестерёнки и чай с колотым сахаром. У него на столе был ящичек с кусками сахара. К ящичку крепились щипцы для колки, ещё была маленькая пила. Пока Николай Иванович разговаривал с Гришей, Костик колол и пилил сахар, складывал кусочки в сахарницу и в рот, это было замечательно.

* * *

Однажды начальница Гвоздева, сияя от радости, внесла в детский барак пачку новых, пахнущих типографией портретов вождей. Среди них был и Сергей Миронович Киров. Гриша прибил Мироныча над кроватью «луководителя». Киров очень полюбился Костику. По утрам, открыв глаза, Костик первым делом видел засиженного мухами Кирова, который отечески ему улыбался и настоятельно советовал жить, учиться и бороться.

Гриша учил Костика ломать камедь и разговаривать через пищик. Мальчик оказался способным учеником. Костик был шутком-любимцем у Гвоздевой. Часто, пируя в компании приапов, подруга Талии призывала Костика балагурить и веселить народ. В прокуренном бараке, тоже украшенном прибитыми вождями, Костик давал петрушку, талантливо импровизировал, показывал лаццо с мухой и тараканом и приводил пьяную вохру в буйный восторг. Мироныч подмиги-

вал наркомам и отцу народов, те с завистью смотрели на Костика. «Мой!» – говорил Кирыч. «Твой!» – моргал усом Коба.

Гвоздева разрешала Костику свободно гулять по зоне. Иногда он подходил к забору с протянутой поверху колючей проволокой и подолгу там стоял, вызывая недоумение взрослых. У Костика была своя игра, которая называлась «пальцы на свободе». Костик просовывал ладонь в щель между гнилыми досками и шевелил «свободными» пальцами. Сам он был на зоне, а пальцы – на свободе. Для детдомовцев понятие «свободы» было совершенно абстрактным, они росли за забором и не знали, как выглядит другой населённый пункт – город или деревня. Костик же хлебнул «свободы» в поселковых клубах, он-то знал, что такое вольная жизнь. Костику хотелось на «свободу», ему представлялось, что «на свободе» он всегда будет с мамой, которую давным-давно не видел и устал уже ждать, Грише не придётся ездить с Петрушкой по дальним тюрьмам, они будут все вместе жить в каком-нибудь хорошем домике на берегу реки, плавать в лодке, ловить рыбу. Без детского плача, без крика охранников. Сами, одни, в тишине.

На гастролях Гриша с Петрушкой ударно клеймили лодырей, отказчиков, промотчиков, агитировали заключённых перевоспитываться и поднимать рост производственных показателей. Измученные надрывной работой зэки засыпали во время представления, неизмученные выкрикивали гадости.

Однажды в тёмном зале, пока Петрушка-стахановец ловко валил лес одноручной пилой, был убит зритель – блатные сводили счёты. Во время аплодисментов человека со всаженной в грудь скобой выносили вперёд ногами.

Начальники КВЧ хотели, чтобы Гриша знакомил эков с основами актёрского мастерства и организовывал театральные кружки на зонах. Ему предлагали выбирать из заключённых, построенных перед отправкой на работу, «артистов» для будущего «театра». Это было очень трудно – как можно определить по внешнему виду наличие актёрских способностей у совершенно незнакомого человека? Гриша в замешательстве смотрел на усталых, невыспавшихся людей. В каждом взгляде он читал: «Меня! Возьми меня, придурок!» После некоторых колебаний Гриша выбирал каких-нибудь дистрофиков, какого-нибудь старика с обмороженной чёрной щекой (в одном таком старике Гриша не признал следователя Скрежетова, Павел же Осипович Гришу узнал, на репетициях старательно «балагурил» и осваивал технику разговора через пищик). «Артистов» освобождали от работы, остальных уводили, Гриша ловил взгляды, полные упрёка и ненависти. Однажды в Гришиной рукавице оказалось битое стекло, он сильно поранил пальцы: так кто-то ему отомстил за свою несостоявшуюся артистическую карьеру.

Грише не хотелось уезжать из детского дома, он просил Гвоздеву избавить его от гастролей, но это было невозможно – Петрушка пользовался исключительной популярностью у

лагерных поклонников и покровителей изящных искусств.

На детдомовских стенах можно было увидеть многочисленные вырезки из лагерных газет про Гришин театр. Под фотографиями Гриши, Петрушки, сопливых батыров и зверей с трубами, тубами, барабанами в руках и лапах было подписано: «Благодаря активной работе КВЧ бывшие воры, убийцы и враги советской власти прониклись поэзией труда. Под звуки своих оркестров, под стройное хоровое пение они мобилизуются на выполнение и перевыполнение производственных заданий, вытекающих из указания товарища Сталина. На театральных подмостках перекованные артисты борются за чистоту и гигиену, поднимают культурный уровень заключённых, помогают им правильно разбираться в вопросах текущей политики».

Относительно спокойная Гришина жизнь под перепончатым крылом Гвоздевой пошла под откос, когда на сцену выступила новая лагерная начальница – тоже плотная и энергичная, но злая как чёрт, товарищ Иадова. Впервые появившись в детском доме, она, яко тать в нощи, прокралась к младшей группе и резко распахнула дверь в надежде всех застать врасплох и обнаружить беспорядок. Увидев Брону спину с жёлтой косой и голубое яйцо в поднятой руке, новая начальница остолбенела. Нянька обернулась, Иадова вскрикнула так, будто увидела привидение, и выбежала вон.

6

Агата – Тата – Иадова была дочерью потомственного аптекаря Ядова. В юности она увлекалась стихами, ходила в поэтический кружок и дружила с девочками из профессорских семей, бывшими стоянинками Мусей и Алей. Муся и Аля жили в одном доме с Ядовыми. Аптекарь их недолюбливал и за глаза обзывал барыньками. Эти девочки были благородных кровей и двойных благозвучных фамилий, революция лишила их всего и наделила всем, их родители воодушевлённо строили новый мир, безропотно уплотнялись и не жалели о прошлой жизни с прислугой и излишками жилплощади. В первые годы «нового мира» девочки питались воздухом и чаем. Словно северные охотницы, румяные, с длинными косами и горящими глазами, они бегали на лыжах по заснеженному обездвиженному городу и успевали на все значительные лекции и встречи. Их интересовало всё – химия, этнография, театр, поэзия, марксизм, биология, а главное – люди, общение с людьми. Для них все были друзья, все – товарищи. Дома Мусю и Алю ждали интересные разговоры с родителями и их друзьями, бедная же Ядова имела угрюмого отца, который таскал её за волосы, и похожего на рептилию фармацевта Гипова, которого угораздило неприятно в неё влюбиться. Муся и Аля были весёлые, уверенные в себе, Тата Ядова, напротив, ненавидела себя и мир вокруг, одна-

ко ненависть свою скрывала и отчаянно пыталась выглядеть тоже весёлой. Стоюнки с детства поражали Тату исключительной смелостью и демократизмом. В своей либеральнейшей гимназии Муся и Аля носили под лёгкими сатиновыми халатиками штаны и матроски, они запросто обращались ко взрослым, не боялись проявлять эмоции, для них не было ничего запретного, они требовали ответов на все вопросы и ответы эти получали сполна. Тата Ядова училась в казённой гимназии, панически боялась начальницу в поплёскивающем пенсне, её душило и кусало шерстяное форменное платье, дома была тоска.

Отцы Муси и Али были химиками, на своих семинарах они собирали толпы студентов и вольнослушателей, в нетопленых аудиториях, чернобородые и вдохновенные, обсуждали фундаментальные законы мироздания и поили учеников чаем из медного самовара. Слушатели приносили угощение – сахар, хлеб, сало. Милиционер Коля приходил со связками сушек на шее, он ставил в угол свою винтовку и призывал через гипотезу и эксперимент непременно выходить к марксизму.

Вслед за Мусей и Алей Тата Ядова пошла учиться на факультет общественных наук, она старалась всюду успевать за девочками, ходила на заседания Вольно-философской академии, корчила из себя антропософку, разучивала роли для студенческого театра, писала стихи и ратовала за духовную революцию в умах мещан. Однако ей не удавалось влиться в

компанию передовой университетской молодёжи. Барыньки были с ней приветливы и любезны, охотно знакомили её со своими друзьями, но между ними всегда была пугающая Тату пропасть. Она чувствовала, что никогда не сможет стать такой же, как они, – яркой, лёгкой, свободной; все усилия проявить творческие или научные способности и обратиться на себя внимание «интересных» Мусиных и Алиных друзей имели обратный результат: над ней посмеивались, её сторонились.

Две неприятные истории (первая – с белым слоном, вторая – с Пушкиным) стали причиной полного разрыва с Мусей и Алей и отчаянного Татиного бегства из университета. Произошло всё осенью, когда подруги после раздельно, в разных галактиках проведённого лета снова встретились на факультете. Тата летом жила на старенькой отцовской даче у Финского залива: почти голодала, полола грядки, переливала из пустого в порожнее с соседками, била комаров, читала неинтересные книжки по философии и газету «Известия». Пуды картофеля, Индия, спекулянты, польские беженцы и Роза Люксембург сбивались в ком и уходили на дно сознания, потом всплывали в совершенно бессмысленных сновидениях. Унылое Татино времяпровождение разбавлялось встречами с фармацевтом Гиповым, который раз в две недели вползал на дачку и делал Тате серьёзные предложения вечно мокрой руки и сердца. Он не был мобилизован из-за каких-то своих болезней. Два раза на тёмном огороде,

у мокрых листьев ревеня, Тата проявила благосклонность к Гипову, потом вспомнила про барынек, подумала, что они будут над ней смеяться, и отвергла отцовского ассистента. Гипов затаился среди колб и мензурок, он решил «пока работать» и выждать.

Осенью выяснилось, что Муся без памяти влюблена в усатенького лингвиста Митю – и главное, что Митя был в неё без памяти влюблён. Митя называл себя эсером-народником. Тата изо всех сил делала вид, что счастлива за подругу. Она узнала, что Митя – поклонник Рильке, и задумала произвести на него и на всех впечатление. На заседании поэтического общества Тата с выражением прочитала «Карусель». Её немецкий был сносен, но дело испортили пафосное Татино подвывание, сопровождаемое покачиванием коренастого тела и взмахами рук, и особенно «таинственный» шёпот на рефрен про белого слона: «Und dann und wann ein weisser Elefant»³. Кому-то от Татиного чтения было неловко, кому-то – смешно, и впоследствии, когда Тата входила в аудиторию или шла по университетскому коридору, кто-нибудь обязательно провозглашал: «Und dann und wann ein weisser Elefant!»

Вторую и последнюю обиду Тата претерпела на студенческой постановке «Маленьких трагедий». Обидчицей стала избалованная всеобщим вниманием красавица Варенька,

³ И вот опять всё тот же белый слон. (Пер. с нем. В. Куприянов.) – *Прим. автора.*

её Муся нашла в сельской библиотеке где-то под Боровичами. Варенька страстно любила стихи Андрея Белого, плотно-ядно их смаковала, проживая и прожёвывая каждое слово. Ночью девочки, которым было уже по девятнадцать, купались в лесном озере, жгли костёр, пекли картошку и громко читали «Северную симфонию»: «С жаждой дня у огня среди мглы фавны, колдуньи, козлы, возликуем. В пляске, равны, танец славный протанцуем среди мглы!.. Козлы!.. Фавны!» Муся притащила Вареньку в Петроград, чтобы познакомить с любимым поэтом. Варенька с удобством расположилась в её комнате и сердце. Мусины родители улыбались ей так, как никогда не улыбались Тате, было видно, что Тата барыньке-Вареньке не чета.

На постановке Ядова была за Сальери. В белом парике и камзоле, который не сходил с выпирающей груди, она старательно декламировала.

На значительно протянутой фразе «Тру-у-уден первый шаг и *ску-у-ушен* первый путь» Варенька зашлась тихим смехом, а на словах «Вот яд, последний дар моей Изоры» захохотала в голос. Видя замешательство Сальери, Варя смутилась, но на следующей постановке была та же история – Митя-Фауст пожаловался обёрнутой в чёрный плащ Ядовой: «Мне скучно, бес»; на это бес ответил: «Вся тварь разумная *скушает*», и тут опять послышался сдавленный Варенькин смех.

Тата не могла понять, в чём дело, за что её так ненави-

дят. Не в силах больше терпеть насмешки «передовой молодёжи», она бросила университет и сошлась с поэтом Виньеткиным, который называл себя «поат». Ей нравились его чувствительные стихи о полях и сёлах, она их горячо хвалила. У Виньеткина были связи, его регулярно печатали в журналах. Этот человек выполнял осведомительно-информационную работу при Петроградском отделе ГПУ, затем ОГПУ. Виньеткин дружил со знаменитыми артистами и поэтами, он был щедр, внимателен, оказывал друзьям тысячу мелких услуг, был вхож во многие дома, аккуратно пил чай, оставив мизинец. Будучи истинным демократом, Виньеткин знакомился с домработницами, расспрашивал о житье-бытье – их собственном, а заодно хозяйском. Верная подруга Тата Ядова помогала «поату» располагать к себе, вынюхивать и доносить.

Как-то весной Муся увидела Тату с Виньеткиным на своём пороге. Муж Митя был на кухне, обсуждал с соседкой Анной Фёдоровной рецепты куличей, вспоминал детство, таскал из-под носа у старушки древние размоченные цукаты и жадно нюхал в пальцах древний кардамон. У окна в Мусиной комнате сидела нагрывавшая в гости барынька-Варенька. На подоконнике в овальном блюде сверкала гора стеклянных пасхальных яиц – детская коллекция сестёр. Варенька посмотрела на Тату и «поата» сквозь гранёное яйцо, не удержалась и пропела: «Und dann und wann ein weisser Elefant». Вспыхнув, Тата потащила Виньеткина к выходу, Муся по-

журила Вареньку за издевательство над Ядовой, о которой, впрочем, тут же забыли. «Девочки» не знали, что белый слон сейчас прогнал смертельно опасного врага. Ядова дала себе клятву погубить барыnek – но не сейчас, потом, в тот момент, когда они меньше всего будут ждать изощрённой мести. В своих мечтах Ядова представляла, как какие-нибудь привлекательные духи мщения с наганами насилуют барыnek, а потом делают семь выстрелов им в грудь.

В январе Виньеткин впал в депрессию, что-то его мучило – то ли нечистая совесть, то ли страх перед завтрашним днём. По ночам «поат» просыпался с криками «Он не сам, он не сам повесился!», вздрагивал при малейшем скрипе, прикуривал одну папиросу от другой, пил водку стаканами, потом попросил свою подругу Тату достать ему яд. Тата решила, что он хочет отравить врагов. «Ради своей высокой любви» она изобразила чувство к ассистенту Гипову и добыла цианистый калий. Поэт-осведомитель при ней же покончил с собой. Тату арестовали по подозрению в убийстве ценного партийца, стоявшего на страже государственной безопасности. Было следствие, основное обвинение сняли, но Ядова всё равно оказалась в тюрьме. Там с Татой приключилась удивительная метаморфоза – она каким-то образом превратилась из уголовницы в начальницу охраны, полностью поменяла фамилию и химический состав. Теперь это была уверенная в себе, неумолимая в своей злобе товарищ Иадова-Тихогнидова, Иадова – для благозвучия и чтобы за-

быть про яд, Тихогнидова – потому что муж был чекист Тихогнидов.

С Тихогнидовым Тата познакомилась в организованной ОГПУ крупной разведывательной экспедиции на север, тогда она была ещё зэчкой, доматывала срок. Вскоре она стала завхозом на базе ухтинской экспедиции, потом начальницей охраны в одном из лагерей. Первым делом Тата взялась проводить среди солдат специальную агитацию, объяснять им, *кого* они охраняют. После разъяснительной Татиной работы конвой становился ещё злее, держал на людей штык, науськивал собак.

К бытовикам, ворам, убийцам Иадова-Тихогнидова была снисходительна, тех же, кто хоть отдалённо напоминал ей ненавистную «передовую молодёжь», старалась известить. Однажды она была с ревизией в бараке, где жили заключённые химики и геологи, которые работали на буровой. Когда она вошла с мороза в тёплое полутёмное помещение и грозно посмотрела на всю учёную контру, кто-то отчётливо произнёс: «Und dann und wann ein weisser Elefant». Тата медленно стяхнула с себя снег, загадочно улыбнулась и вышла. Через день расстреляли специалиста по девонскому периоду Васю Ханина.

Иадова-Тихогнидова совсем озверела, когда стала просто Иадовой: с места в карьер от неё ушёл муж. Ответственный инспектор Тихогнидов променял свою бровастую статную Тату на седенькую пигалицу Пульхерию Ивановну. Пульхе-

рия Ивановна была вольнонаёмной фельдшерницей, она искусно залечила Тихогнидову застарелый геморрой. Благостная, тихонькая, Пульхерия Ивановна была полной противоположностью мятежной Тате. При новой подруге суровый Тихогнидов становился ласковым мурлыкой. С Пульхерией Ивановной Тихогнидов по инспекторской должности своей поселился недалеко от известкового карьера, на холме, в избушке под берёзкой. В карьере стоял пердячий пар и скрежет зубовный, а в избе пел чайник и шептали шкварки на сковороде. Под хромовыми сапогами Тихогнидова простирались толщи древних отложений с остатками фораминифер, криноидей, гастропод. Среди окаменелостей ползали с тачками представители запроволочной фауны. Поднимались столбы доломитовой муки, хрустели кости зэков и раковины брахиопод. Зэки вынимали изо рта свои зубы и скармливали их иглокожим. Активно размножились морские лилии, похожие на шестерёнки инопланетных летательных аппаратов. Лаяли собаки, материлась охрана. Тихогнидов ездил вокруг карьера на гнедом Фигаро. Пульхерия Ивановна размачивала сухофрукты.

На карьере Тата служила в охране. Предатель семейных ценностей всё время был у неё перед глазами, с сердечной болью она наблюдала за его новым счастьем, но делала вид, что ни о чём не жалеет. Пульхерия Ивановна напоминала Тате классную даму из детства в поблёскивающих стеклышках на носу; хотелось её задушить. Однажды Тата выросла

на пороге избушки с крысиным ядом, припрятанным в рукаве гимнастёрки. Она попыталась незаметно подбросить его в сухофрукты, но была застукана зоркой фельдшерницей. Сцепившись в смертельной схватке, соперницы покатались по полу, Тата пыталась растегнуть кобуру, Пульхерия Ивановна кусала её пальцы. То ли сердце у Таты сдало, то ли зубы фельдшерницы были ядовитые, но одержала победу новая пассия Тихогнидова. Дело замяли, Тату сослали в питомник служебных собак, там она начальствовала несколько лет, хорошо себя проявила и в один прекрасный день получила назначение на руководящую должность в лагерный детский дом. На новое место собачную начальницу сопровождал её единственный друг – старый полуслепой злой пёс Патрон. Лагерных детей Тата называла «враженьята». Она их ненавидела всей душой.

Треть своей жизни Иадова положила на перевоспитание врагов народа, лучшим методом она считала пулемётную очередь. Вглядываясь в лица заключённых, Тата искала университетских интеллектуалов, подпортивших её и без того несвежую юность. Ей часто снились набережная в сугробах, счастливые лица профессорских девочек и их друзей. Она надеялась, что все они умерли – в тюрьме или от голода. Какое же было её изумление, когда, взойдя на новый пост, она обнаружила среди зэчек обидчицу Вареньку...

Иадову удивило, что барынька-Варенька за четверть века совершенно не изменилась – те же лицо, фигура, волосы, только глаза грустные. Неужели родственница, дочь? Надо было всё разъяснить. Тата разъяснила, и однажды Броня увидела новую начальницу в столовой. Иадова сидела на низенькой скамеечке рядышком с враженьятами, она и себе попросила мисочку каши, однако есть не торопилась. Поставили миску для Патрона, пёс жадно чавкал, но никакого чувства благодарности не испытывал: когда мимо проходил ребёнок, он скалился и страшно рычал. Броня не могла понять, почему начальница смотрит на неё с таким торжеством. Иадова похвалила её за порядок, спросила, все ли хорошо работают – другие няни, истопник, водовоз. Броня очень аккуратно отвечала, что всё у них в полном порядке, замечаний к обслуживающему персоналу нет.

Иадову поразила обстановка в детском бараке. На входной двери красовалась табличка со звездой и надписью: «Самый чистый барак». Действительно, там всё блестело чистотой, пол и деревянные поверхности были выскоблены добела. Пахло ёлкой. На столах у печки сушились ягоды, к потолку были подвешены мешочки с сушёными грибами. К стенам были прибиты нарядные портреты вождей, между ними качались на нитках чудесные куклы, они кивали и улы-

бались Иадовой, как доброй знакомой. Вокруг детских кроваток стояли фанерные леса и горы; фанерные крылатые кони и прочие звери на колёсиках желали малышам спокойной ночи. На полках среди обычных детских книжек стояли рукописные сборники стихов и сказок: Петя диктовал по своей феноменальной памяти, Броня каллиграфически записывала, Гриша делал картинки и сшивал. В длинном коридоре с дверями, ведущими в детские группы, висела доска почёта с итогами социалистического соревнования, живописными портретами главных ударников и описаниями их достижений. Рисовал, естественно, Гриша. Иадова увидела барыньку-Вареньку, сурового Архипыча в ушанке, серьёзного Петю.

Вокруг барака был устроен «индивидуальный» огород с картофельным полем, грядками, яблоньками и пугалами. Не чуждая самоиронии Гвоздева отдала главному пугалу свой полинявший берет с кокардой и френч с прорехой ниже пояса. Теперь она вечно встречала гостей у калиточки детского дома, отгоняя птиц и злых духов. Иадова знала, что гвоздевский детский дом считается образцово-показательным, что туда на праздники начальство своих детей возит, но она не ожидала увидеть такого великолепия. Всё это было теперь в её руках – Гвоздева шла в увольнение, чтобы ухаживать за безногим сыном. Тате предстояло навести свои порядки в Красном Яге, и для начала надо было сжить со света социально неблагонадёжную Броньку.

Иадова заняла квартиру уехавшей Гвоздевой и совершенно её преобразила. Тата питала страсть к рукоделию, у неё была большая коллекция кружев и вышивок, сделанных крепостными зэчками. Первым делом Иадова украсила спартанское жилище Гвоздевой множеством салфеточек, полотенчиков и подзоров, на стол постелила расшитую скатерть, свисающие с окон старые детские простыни заменила на красивые занавески. У Гвоздевой Иадова обнаружила несколько сборников стихов, изданных культурно-воспитательным отделом НКВД. Эти книжки Гриша привозил из гастролей по дальним зонам. Иадова открыла наугад:

Над полуночным покоем
Из восточной стороны
Вышли звёзды под конвоем
Ослепительной луны⁴.

Это были прекрасные стихи, написанные заключённым. Жуя губами, Иадова читала их – как бы сквозь сон, как будто что-то припоминая, потом решительно разорвала, растёрла в сильных ладонях и отправила на растопку. Новое жилище Иадова называла «мои пенаты». В свободное время, которого у неё было довольно много, читала «Правду», «Известия», «Производственный бюллетень», старые подшивки «На вахте» и «Северного горняка», пила сладкий чай со спиртом,

⁴ Стихотворение Николая Жигульского; он был расстрелян в 1937 году. – *Прим. ред.*

разговаривала с Патроном, иногда вышивала крестиком.

У крыльца Иадовой обычно стояли на дежурстве Панов и Головкин. Как-то вечером Тата пустила их погреться, провела политинформацию с двумя человеко-посещениями и громкую читку газет, расспросила про родителей и деревеньку, напоила до сально-чесночной отрыжки и ловко натравила на барыньку-Броньку. Дети уже спали, приапы пробухали сапогами в младшую группу и дёрнули занавеску нянькиного уюта. Плясал огонёк керосинки. Броня поднялась на локте, у её бока сопели два чучелка. Она покачала головой и погрозила пальцем; дикая ухмылка сползла с пьяных рож, приапам стало стыдно, страшная месть не свершилась.

Злоба душила Иадову – даже вохра уважала Броньку! Тата кляла мягкотелую Гвоздеву за то, что она «распустила» охранников. Надо было срочно отправить передовичку-стахановку на карьер: оттуда она не вернётся, там вместо еды – мука известковая, там духи мщения с наганами, а бластные подпыривают ножиками, там барынькины потроха очень быстро пропитаются белой смертельной пылью, и можно будет обойтись без семи заветных пулек.

Прежде всего надо было уличить Броньку в халатности и головотяпстве. Но проклятая барынька работала безукоризненно, Тате не к чему было придраться. Ночами она ворочала потной седеющей головой на вышитой подушке и придумывала, как бы подловить, оговорить, разоблачить, казнить. Выли собаки, фонарь на улице скрипел, бил по глазам, ме-

шал заснуть.

Однажды утром начальница увидела, как Броня с явным удовольствием заплетает девочек. Она подкралась сзади, больно ткнула пальцем в детский затылок и провозгласила: «Вши!»

Вшей не было, их давно вывели специальным мылом, которое Архипыч с Петей варили из собственноручно добываемого дёгтя. Это заживляющее, обеззараживающее и изгоняющее вшей мыло было придумано Архипычем, оно пользовалось большой популярностью на зоне, было лицом, маркой и твёрдой валютой детского дома. Случалось, что Гвоздева расплачивалась этим мылом за сокровища с вещевых и продовольственных складов, подкупала им завхозов, дарила начальству на Новый год.

За кладбищем Петя с Архипычем устроили ямную дёгтеварку. Весной дети помогали им собирать и сушить берёзовую кору. Нагнувшись, глядели между своих ног, чтобы увидеть суседко, лешего видели через свёрнутую в трубку бересту. Топилась сложенная по древнему обычаю печь. Петя разливал пахучую чёрную целебную жижу по бутылкам. Однажды Гвоздева променяла детдомовский дёготь на розовое сало, с этим салом варили кашу, солёная корка от сала стала для многих маленьких врагов самым вкусным воспоминанием детства.

Броня предложила обработать детские головы дегтярным мылом Архипыча, однако Иадова потребовала, чтобы нянь-

ки и себя и враженья обрили наголо и намазали керосином. Тату разозлило, что Броня невозмутимо подчинилась приказу, зато она с утробным удовлетворением смотрела на синие детские головы и голый Бронин череп, который, кстати, произвёл огромное впечатление на артистов-водовозов. Они утверждали, что его форма с удлинённым затылком – эталон красоты. С тех пор запах керосина был у водовозов неразрывно связан с сильным любовным переживанием.

Иадова запретила водить детей в лес, теперь они могли гулять только вокруг барака в сопровождении сторожевых собак. Большим Татиным разочарованием стали четвероногие охранники. Их Гвоздева тоже распустила – собаки были недостаточно бдительны: вместо того чтобы рычать и лаять на детей, они виляли хвостами и глупейшим образом скулили. Сырые собаки, необученные! Один Патрон приносил ей утешение – он мог без предупреждения вцепиться в ногу; однако по старости своей пёс потерял былую хватку, его укусы были незначительны, и приходилось довольствоваться лишь испуганным детским криком.

Время от времени Иадова устраивала шмон – обыскивала Бронин уют и детские карманы. Когда она нагрянула впервые, все очень удивились – раньше такого не было: Гвоздева всецело доверяла главняне. Тата принялась лихорадочно выворачивать детские карманы, почти в каждом из них была краюшка. «Не положено!» – вопила Иадова. «Это няня нам хлебушек даёт, чтобы леший нас не увёл, – объясняла

начальнице маленькая девочка, – возьмите, тётя, пососите корочку».

Иадова шархнула в сторону уюта. Там, казалось, не к чему было придраться: нары аккуратно застелены, столик с керосинкой, на гвозде бушлат. Иадова дёрнула одеяло – пусто, сорвала бушлат – опять мимо, потащила тюфяк – под ним обнаружилась стопка листков, перевязанная верёвочкой. Тата жадно распотрошила бумаги, но ничего запретного там не нашла: Бронины грамоты, книжка ударника. Тихо матерясь, Тата разглядывала книжку. Там объяснялось, что соревнование превращает труд из зазорного и тяжёлого бремени в дело чести, в дело славы, дело доблести и геройства. Тата тяжело опустилась на пол и стала шарить под нарами. Обнаружила ящик с чулками, набитыми сушёными растениями.

– Кто разрешил? – орала Иадова, вытряхивая на пол жёлтые и синие цветочки. – Что это? Что?

– Это пижма. Пижму даём от глистов, – отвечала бесстрастно Броня, – настой пижмы, столовая ложка в день. Это валериана. От латинского *valere* – «быть здоровым». Успокаивающее средство, чайная ложка перед сном.

– Травку собираешь? Нарушаешь! Не положено! Запрещаю покидать территорию! Думаешь, ты рублёвая? Нет, ты пятнадцатикопеечная! Сообщи куда надо! Дадут четвертак в зубы! На карьер пойдёшь! Делать нечего? *Скуша`ешь* без работы?

– Работы много, мне с детьми не скучно, – сказала Броня и улыбнулась в сторону.

– «Вся тварь разумная скучает!» – на шум прибежал истопник-водовоз Петя. – Разрешите обратиться! Это я собирал растения по приказу начальницы Гвоздевой!

Тата дико посмотрела по сторонам и бросилась выворачивать Бронины карманы – посыпалась махорка, выпало голубое пасхальное яичко. Иадова пнула его ногой и, ведя рукой по стенке, вышла из барака. Патрон ковылял за ней. Накрапывал дождь, вокруг проложенных по двору мостков дрожало глиняное месиво; Тата поскользнулась на мокрых досках и упала, больно ударившись мощным крупом. Пёс от неожиданности хватил её за локоть.

Следующим актом Татиной мести за неудавшуюся молодость был удар тяжёлой артиллерии по детдомовскому огороду, где враженьята с няньками выращивали овощи. Иадова не могла найти повод, чтобы его уничтожить. Она без повода бросилась на грядки и стала топтать ботву моркови и свёклы. Начальница плохо себя чувствовала, приступ ярости вызвал сильную пульсацию в голове, в глазах летали мухи, сердце колотилось. Броня, воткнув лопату в землю, спокойно смотрела на бешеного слона, дети замерли в ужасе и изумлении. К начальнице бросился «луководитель» театра. «Злая жеможаха! Ты злая жеможаха!» – кричал разгневанный Костик. Этому ругательству он выучился у Гриши. Тата оторопела, потом с такой силой ударила Костика по уху, что он упал в

грязь и ненадолго потерял сознание.

На следующий день Гриша отправился к Иадовой, он шёл, сам не зная, что ей сказать. Его к начальнице не пускали, он ждал у крыльца под дождём два часа. Приапы-гробокопатели смотрели на него с сочувствием. Наконец начальница вышла. Не дав Грише и слова сказать, Иадова стала орать на него, обзывать фигляр, саморубом и прихлебателем КВЧ, грозить известковым карьером. Гриша напомнил ей о своей ударной работе в театре и предстоящих гастролях, в которые известковый карьер никак не был вписан. Иадова изобразила, что впервые слышит о Петрушкиной культурно-воспитательной деятельности. Тату душила злоба – она ничего не могла сделать со знаменитым театром. Театр существовал в пространстве детского дома и формально находился в её ведении, но он был гордостью всего Печорлага, почитателями Гришиного таланта были очень крупные начальники, которые могли саму Иадову стереть в известковый порошок.

Наступила осень, над лагерем с жалобным криком текли перелётные птицы, небо закрылось шинелью с длинными рукавами, из дыры под мышкой шёл бесконечный дождь. Та-та целыми днями сидела в своих пенатах, отгородившись от тусклого мира весёленькими занавесочками. Дети позвали начальницу смотреть спектакль «Баба-яга мешает соревнованию», но она не пошла: ей было противно всё, что имело отношение к новым подопечным. Вот Гвоздевой нравилось возиться с враженьями, она не брезговала есть их еду, хло-

потала, суетилась, что-то запасала, как мышь. Тата же в душе всегда оставалась суровой начальницей охраны, своим внутренним взором она продолжала внимательно следить за тем, как копошатся и гибнут трудовые единицы в раскрытой пасти четвёртого геологического периода палеозойской эры.

Иадова чувствовала, что обитателям детского дома живётся хорошо, и это не правильно, несправедливо, не положено. Последние приступы ярости не прошли для неё бесследно – голова кружилась, по утрам было не сжать кулак. Ненависть к Броне полностью пропитала Иадову, она думала только о том, как бы её ликвидировать.

В детском бараке готовились к годовщине Октября. В зале КВЧ Петя с Гришей всю ночь мастерили броневичок и крейсер «Аврору» на колёсиках. Под утро Гриша пошёл будить Костика и грузить декорации – театр ехал на гастроли. Петя остался работать над маской буржуя. Он решил переделать в буржуя старую, кое-где расклеившуюся, погрызенную мышами и от этого ещё более страшную Бабу-ягу. Петя надел маску. Через дырки-глазницы окружающее виделось совсем по-другому. Этнограф-водовоз представлял себе, что проник в потусторонний мир, в сакральное пространство, которое охраняется духами и чудовищами. Петя побродил по бараку, подкинул дрова в печки, почувствовал, что живот свело от голода, и, не снимая маску, вышел на улицу. Уже неделю стояла морозная бесснежная погода. Резкий ветер трепал седые космы высокой тощей Яги в сапогах и ват-

нике. Стремительно, широким шагом шла она через двор на кухню дегустировать манную кашу. В тающей темноте сложился сонный водитель, Гриша гремел фанерой.

Это была обычная Петина работа – каждое утро приходил он на кухню, чтобы следить за качеством манной каши. Петя чинно надевал белый халат, съедал миску серой питательной жижи, заносил в журнал замечания об опробованной пище, затем снимал халат, пил кипяток и ждал в тишине и покое, когда в него вольётся волшебная сила. Дождавшись, хватал богатырскими руками чаны с кашей, переносил их на сработанную Архипычем специальную повозку – то ли большую тачку, то ли маленькую телегу, впрягался в специальный хомут и, «себя в коня преобразив», вёз детям завтрак. В бараке Броня насыпала в кашу растёртые сушёные ягоды, и дети начинали есть. В ползунковой группе было одиннадцать едоков, их надо было кормить одновременно, пока каша не остыла. Броня ставила в ряд одиннадцать стульев, каждого едока крепко привязывала полотенцем к стулу, так, чтобы ручки были спрятаны. Строго тараща глаза, няня бегала вдоль стульев и вмазывала в ротики кашу. Кто-то из едоков жевал сознательно, кто-то плевался, кто-то смеялся, кто-то крутился в своём коконе, кто-то с треском пукал, кто-то хныкал...

Петя открыл дверь на кухню и замер на пороге – над чанами склонилась ведьма в гимнастёрке, она что-то осторожно сыпала из газетного кулька в детскую еду. «Разрешите обра-

титься!» – гаркнул взволнованный Петя. Ведьма вздрогнула и невзначай высыпала в кашу всё, что было в кульке. Взглянув на Петю, она закричала от ужаса.

– Разрешите обратиться! Что вы сыпали в кашу? – Петя в беспокойстве подошёл к плите.

Иадова, не прекращая кричать, пятилась от него, выставив перед собой ладони.

– Кто вы?! Кто?! – орала ведьма.

– Я представитель санчасти. Приготовленная пища должна быть опробована. Я несу ответственность за качество манной каши. Я – ударник-специалист по манной каше. Что вы сыпали в еду?

Иадова обезумела от ужаса, она кричала не переставая. Петя сорвал маску и понюхал кашу. Несомненно, был посторонний запах – чего-то неприятно-сладкого. На крик прибежали с улицы, в открытую дверь ворвался Патрон. Петя зачерпнул миской кашу и поставил на пол. Патрон, обжигаясь, стал жадно есть. Иадова хотела отобрать у Патрона миску, пёс вцепился ей в ногу. Прибежала Броня. Иадова, хромя, бросилась на неё с кулаками:

– Отравительница! Хотела отравить детей! Охрана! Тревога! Спустить собак! Стрелять ракетами!

Петя оттащил взбесившуюся Иадову от Брони и вытолкнул на улицу. Припадая на укушенную ногу, начальница кругами бегала по двору, потом кинулась к грузовику и стала яростно крутить кривой стартёр. Мотор не заводился. Петя

вспомнил детские кошмары, которые настигали его во время высокой температуры: там нечто бегало по кругу, стремительно уменьшая радиус вращения, съёживалось в точку и взрывалось. Дети, охранники, зэки и растерянный водитель смотрели, как начальница пытается завести машину, но к ней никто не подходил, все боялись. Забурчал мотор. Та вытащила стартёр, широко размахнувшись, бросила его в людей, забралась в кабину, хлопнула дверцей, закопошилась, как паук, суча руками и ногами, приводя в движение усталый от непогоды и плохих дорог ЗИС-5, сделала прощальный круг и выехала с зоны. Все пошли на кухню. Там рядом с миской лежал околевший Патрон.

Костику снилось, что в прокуренной сторожке начальница Гвоздева визгливо смеётся, Панов парит на стуле, Головкин намазывает хлеб жиром, посыпает сахаром и даёт всё это ему, «луководителю» театра. За окном выюга, даже внутри перед дверью бело – намело. Костик хочет попробовать лакомство, но что-то ему мешает, что-то толкает его, и мороз пробирает до костей. Незнакомый красноармеец с потным лицом опрокидывает в пасть содержимое железной кружки, крикает, ухает и рассказывает, как геройски задерживал в Кедровом Шоре диверсионную группу немецких десантников. Костику кажется, что он врёт. Дверь на улицу скрипит и хлопает.

Мальчик открыл глаза и понял, что находится в едущем грузовике, в кузове; одна сторона брезентовой крыши отстала от борта и хлопала на ветру. Гриша спал мёртвым сном, на его усах повисли белые капли, в бороде застряла солома. Костик удивился, что они так долго едут до станции. Он подполз к борту и глянул под брезент. Никакой железки и в помине не было. Грузовик шёл по незнакомой дороге, по её краям ровным строем стояли зелёные ели. Костик посмотрел в заднее окно кабины и глазам своим не поверил – машину вела жеможаха! Он растолкал Гришу – «Жеможаха! Жеможаха!» – тот встрепенулся и застучал кулаком.

Тата испугалась – она думала, что едет одна. Начальница ударила по тормозам, и ЗИС заглох. Все вылезли из машины и уставились друг на друга. Падали редкие снежинки, грузовик стоял на широкой дороге – это была замёрзшая река, под слоем льда печорские рыбы активно обсуждали сложившуюся ситуацию. Сорога предполагала, что начальница сейчас всех порешит из наградного нагана. Окунь с сомнением шевелил красными плавничками, он возражал, указывая на то, что Захар Иванович заглох, кривого нет, и кто-то должен помочь Иадовой завести машину с толкача, иначе – верная смерть от холода в этой пустыне. Старый толстый язь ослепил присутствующих серебряным блеском мундира: «Товарищ Иадова не помнит, что нет кривого. Она находится во власти нелепых идей и обманчивых чувств. Её болезнь очевидна: душевное расстройство, паранойя. Начальница думает, что против неё что-то замышляется, что её чести и жизни грозит опасность. Она считает себя жертвой интриг. Она принимает меры самообороны и обнаруживает прямо враждебное отношение к своим мнимым преследователям – аристократам, троцкистам, магнетизёрам, нянькам, артистам. Сейчас может случиться всё что угодно».

Иадова посмотрела по сторонам – вокруг тишина, никаких признаков жизни.

– Ты кто такой? – крикнула она, схватившись за кобуру.

– Заключённый Д-147, активист КВЧ, кадр, овладевший техникой вождения марионеток и сколачивания детских гро-

бов. Куда вы едете? Куда вы нас привезли?

– Я еду на карьер, жаловаться!

– На что?

– На красивую жизнь в детдоме. Не положено!

– Вы неправильно едете! Здесь нет карьера! Вы плохо себя чувствуете, поедem обратно!

– Врёшь! Здесь карьер!

– Хорошо, поедem на карьер, это в другую сторону, скоро стемнеет, вы устали, я сяду за руль.

– Врёшь! А ну заводи!

Стартёра не было. Гриша с Костиком стали толкать машину, Иадова тоже навалилась, потом влезла в кабину. Захар Иванович заворчал и рванул вперёд, артисты остались одни. «Ну что же, пойдём, Костик, домой!»

Лес и речная дорога серели, день убегал. Артисты были очень далеко от лагеря, ведь они ехали с жеможахой несколько часов. Самым страшным оказалось отсутствие спичек, Гриша не мог развести костёр. «Костик, придётся всю ночь идти по реке, чтобы не замёрзнуть». Облачное небо сливалось с припорошённой землёй. Грише показалось, что по высокому берегу пролегает тропа. Может, она приведёт к людям? Артисты по-звериному вскарабкались наверх – да, еле заметная тропинка ввела в лес. Решили быстро посмотреть, что там, и, если нет жилья, вернуться к реке до полной темноты. Побежали вперёд. Среди сосенок стояла избушка, к её углам и двери были прибиты дощечки с гвоздями.

– Гриша, зачем эти гвозди по углам?

– Не знаю, Костик. Может, от медведей? Медведь избу с угла ломает.

– Гриша, я боюсь!

Осторожно, чтобы не пораниться, Гриша открыл дверь. Внутри – ни зги, холод, нары со свернутыми задубевшими одеялами, меховая задубевшая подушка. В углу наткнулись на груды камней – печка-каменка, в топочку заложены ветошь и поленья. Гриша не нашёл ни спичек, ни огнива. Нашупал топор. Бил топором по камню, чтобы высечь искру, – ничего не получалось, искры не хотели поджигать ветошь. Поводив руками, нашли на вешалах тулуп, ватник, какую-то одежду. Закутались, легли на нары, отключились.

Проснувшись, Гриша увидел, что через дырку в крыше льётся свет и падают снежинки. Рядом сопел Костик, его голова лежала на странной подушке – это была пушистая мёртвая кошка. Осмотревшись, Гриша обнаружил, что свёртком одеял, к которому он ночью прижимался, был одетый позимнему мертвец. Судя по всему, он был охотник и умер несколько лет назад. Чтобы не пугать ребёнка, Гриша накрыл одеялом голову с пустыми глазницами, осторожно вытянул из-под Костиковой щеки кошку и стал искать огниво. Вот оно, в кармане тулупа, в сумочке. Развёл огонь, открыл дверь. Избушка топилась по-чёрному, дым потянулся вверх и повалил наружу. В жестянках на полке была крупа на несколько дней...

Костик не любил лес, ему казалось, что за каждым деревом прячутся враги, да и сами деревья – враги: хватают за одежду, хлещут по лицу сучками, иголками. Однажды он отстал от группы, пустил струю сначала на листик, потом на ягодку, потом на веточку и угодил в осиное гнездо. Вылетел рой, Костик закричал от укусов. Вихрем принеслась няня Броня, схватила Костика за руку, так дёрнула, что чуть не выдрала из плеча. Они бежали, не разбирая дороги, кусты и ёлки пытались их сцапать, задержать, отдать на съедение осам. Полосатые истребители рассеялись, а для Костика Броня на всю жизнь осталась олицетворением мощной силы, которая вырвет с корнем из любой беды.

В охотничьей избушке было холодно и страшно, Гриша сказал Костику не подходить к свёрнутым на нарах одеялам, но мальчик догадывался по очертаниям, что там кто-то есть. Грише не хотелось тревожить мертвеца, вытаскивать его из избушки: во-первых, звери растащат кости, во-вторых, они не собирались тут оставаться, надо было искать людей или наварить каши и идти по реке домой, на зону.

Людей искать не пришлось – они сами явились, заметив дым: старик и молодой парень, у которого глаза глядели в разные стороны, он плохо видел. Парень опирался на настоящее копьё – сверху блестел острый наконечник. Это были

охотники, они пришли с другой стороны реки. На мертвеца смотреть охотники не захотели, к Грише с Костиком отнеслись с большим подозрением, кажется, у них не было сомнений в том, что это беглые. Они говорили по-русски, но часто вставляли в разговор неведомые слова – всё «кыкьён» да «кыкьён», «ворса» да «васаён». Гриша попросил охотников проводить их в какой-нибудь населённый пункт, те согласились, но вели себя недружелюбно. Не дали наварить в дорогу каши: «кымёра», мол, «ошъяс ыджжж-ось»; быстро перебрались через реку и углубились в лес. Охотники шли своими тропами, кое-где были капканы, они их осматривали, налаживали, потом спешили дальше. К вечеру привели Гришу и Костика в избушку, которая была так похожа на первую, что могло показаться, будто они вернулись обратно, – только не было реки, мертвеца и дохлой кошки.

Старик развёл огонь, Костик, измученный холодом и тяжёлой дорогой, свернулся калачиком около каменки. Он несколько раз просыпался, видел, что Гриша разговаривает с охотниками. Гриша дал ему кусочек сала. Костик пожевал его – жёсткое – засунул за щеку, снова заснул, избыточное тело согрелось, он перестал его чувствовать и будто бы парил в невесомости. Ночью Костику стало жарко, душно. Старик спал в углу, полуголый потный парень сидел на нарах и напряжённо вглядывался в Гришу, который вёл себя как-то странно: пытался встать и не мог. Костик заснул на минуту, упал в кошмар с тлеющими углями и выкипающей

водой, усилием воли стряхнул сон. Гриша лежал на нарах с открытым ртом, парень замотал его руку тряпкой и пытался ножом отрезать палец. Гриша застонал. Костик страшно закричал, схватил копьё. Старик проснулся, совершенно не удивился тому, что здесь пытаются отрезать палец, шуганул кривоглазого, перевязал Гришину рану. Палец был спасён.

Костик до утра тарашил глаза, с копьём сторожил мёртвым сном спящего друга и плакал от страха. Парень со стариком ругались на своём странном языке: всё «зэки» да «зэки», «дырник» да «дырник». Гриша зашевелился, застонал, схватился за голову, схватился за руку, замотанную окровавленной тряпкой. Старик цыкнул на парня, тот выскочил из избушки. Старик накинул Грише на плечи тулуп как бы в подарок и стал выпроваживать гостей: «Идите к дырнику, прямо, прямо, налево, налево, нель-нель, дырник, керка-кык, керка-кык». Так Костику слышалось. Покачиваясь, Гриша вышел из избушки, Костик его поддерживал. Парень колот дрова, посмотрел злобно на «зэков» и всадил топор в полено.

Это был указательный палец на правой руке. На левой вместо большого – давний обрубок.

– Гриша, почему ты заснул? Ты шатался и говорить не мог, ты мычал. Почему ты так мычал?

– Костик, не могу говорить. Подожди, я сейчас упаду. Всё, пойдём... Без этого пальца я бы не смог кукол водить. Стал бы зрителем. Тебе одному пришлось бы выступать, Костик.

– Что ты! Я не умею! Зачем ему понадобился твой палец?

– Может быть, для колдовства. Петя бы нам объяснил.

Или суп сварить. Или отнести в милицию. Ему бы сахару дали за палец с отпечатком зэка. Он ведь и бушлат забрал. На бушлате номер. Он меня грибами кормил. Угощал. Сам не ел, всё мне скормил. Он плохой человек, Костик. Опасный. Ты людям не доверяй. Приглядывайся. Если я вдруг помру.

Артисты шли по лесу, Гришу рвало. Забрели на болото. Хрупкий лёд, ярко-зелёный мох хрустели под ногами. Гриша привалился к кочке, у него было обезвоживание. Костик собирал замёрзшие ягоды, которые от тепла превращались в бурое месиво, и с ладони вмазывал их в Гришин рот.

Надо было идти «нёль-нёль» налево в указанном направлении, в поисках того, кто сможет помочь без членовредительства, либо возвращаться к охотникам и просить, чтобы отвели обратно к реке. Гриша старался идти быстро, но шатался от слабости, тупо смотрел себе под ноги, его посещали странные видения: мох казался порослью доисторических деревьев, собственные сапоги – каменными глыбами, которые всё крушат. Казалось, что отовсюду надвинулись тени, сбежались духи леса – вот они бормочут, высовываются из веток. Гриша садился под ёлку и показывал Костику тётку в платочке: «Пойди, Костик, спроси у неё, где зона». Костик тряс Гришу, молотил его по голове кулаками, чтобы прогнать тётку. Тётка исчезала, Гриша с трудом поднимался, брёл по тропинке дальше. Тётка снова прыгала по кочкам,

хихикала и задирала себе подол, словно подвыпившая Гвоздева.

В этом лесу водились звери. Артисты видели лосиные орешки, заячий горох, большую кучу говна, похожую на медвежий пирог, рядом валялся обрывок «Социалистического Севера».

Гриша остановился. Среди хвощей и папоротников блеснул бурный поток. Костик толкал его в спину – пойдём, ну пойдём! – а Гриша, покачиваясь, пялился на непонятную реку.

Сознание прояснилось: хвощи съёжились в мох, по мху была протянута проволока. «Осторожно, Костик!» – Гриша встряхнулся, нашёл сук, ткнул в проволоку. Что-то сорвалось с дерева, будто птица, и в землю воткнулась стрела. «Всё, Костик, дальше не пойдём, здесь натяжки. Я должен поспать». Гриша заснул. Костик собрал палочки, развёл костерок. Ночью Гриша проснулся, ему стало лучше. Он притащил старую ёлку, кинул в угли. Вспыхнули коричневые ветки, взлетели искры. Духи леса пересвистывались, перешёптывались. Они придумывали казнь для активистов КВЧ, вторгшихся в их владения. Костик спал. Гриша следил, чтобы волосы и одежда ребёнка не загорелись от жара костра. «Третья ночь на свободе. Что будет завтра?»

* * *

Костик проснулся от голода. Его карманы были набиты крупой, позаимствованной у мертвеца. Варить было не в чем. Гриша положил в костёр несколько камней. На их нагретую поверхность артисты сыпали крупу и поливали её болотной водичкой. Каша прела потихоньку, над болотом стелился живой домашний запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.